

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

СЕРЕБРЯНЫЙ
БУМЕРАНГ

Андрей Бондаренко

Серебряный бумеранг

Серия «Неформатные книги»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=291642

Аннотация

Далёкие северные острова, по которым разгуливают белые медведи. Серебристые НЛО, «грибы», поднявшиеся над островами после взрывов непонятных бомб. Берия, Мессинг и Ворошилов. Тайные лаборатории острова Узедом. Аргентинская пампа и парагвайская сельва. Ядовитые змеи и кровожадные кайманы. Погони и перестрелки. Дуэли на навахах. Землетрясения и призраки. Высокопоставленные нацисты, взорванные с применением нитроглицерина...

Но всё это – даже вместе взятое – ничто.

Ничто – по сравнению с её огромными, тёмно-зелёными глазами.

Глазами Небесной Принцессы...

Содержание

От автора	4
Глава первая	8
Глава вторая	36
Глава третья	61
Глава четвёртая	84
Глава пятая	111
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Андрей Бондаренко

Серебряный бумеранг

От автора

Роман «Серебряный бумеранг» создавался на основе воспоминаний непосредственных участников и свидетелей событий, описанных в этой книге.

Старики – очень интересные собеседники, только вот, всегда очень трудно оценить степень достоверности их долгих рассказов. Это и понятно: коварное Время иногда смешивает в сознании пожилых людей реально произошедшие факты – с легендами, домыслами, откровенными выдумками и анекдотами – в единое целое...

Лет пятнадцать назад одна очень старая норвежка рассказала мне о «серебристых дисках» летавших над Шпицбергом в апреле 1944 года.

Она же поведала и о «разлапистом уродливом грибе на длинной тонкой ножке: как будто у него все три шляпки срослись в одну», который неожиданно «вырос» над одним из безымянных северных островков архипелага в первых числах мая того же года...

А поздней осенью 1997 года в Буэнос-Айресе (осень в тех краях начинается в конце марта месяца), уважаемый и

донельзя правдивый сеньор Аугусто Романо-и-Гарсия, родившийся в 1930 году в почтенной семье русских эмигрантов, целый вечер рассказывал мне о сказочной бело-голубой стране – под гордым названьем «Аргентина».

Отдельный раздел этого повествования был посвящён 1955 году: в этом памятном году свергли классического диктатора Перрона, а ещё через месяц после этого знаменательного события – в Аргентине и Парагвае – неизвестные диверсанты уничтожили нескольких высокопоставленных наци, сбежавших в 1945-46 годах из поверженной фашисткой Германии в страны Южной Америки.

Дон Аугусто уверял, что лично видел, как по центральной улице одного провинциального аргентинского городка проносили закрытый гроб с останками Мартина Бормана. Закрытый, потому что бывший рейхсканцлер НСДАП¹ был подло взорван русскими шпионами в доме собственной любовницы – с применением целой тонны динамита...

Внесли свою лепту в этот цветистый калейдоскоп завлекательных историй и отечественные пожилые люди обоих полов, имевшие некогда отношения к серьёзным играм рыцарей плаща и кинжала...

Автор

¹ – Официальная должность Мартина Бормана – начальник партийной канцелярии НСДАП. Но однажды Гитлер – в шутку – назвал Бормана «рейхсканцлером НСДАП». Шутка прижилась. И в разговорах Бормана очень часто называли «рейхсканцлером».

Юлиану Семёнову, Юрию Слепухину, Э-М. Ремарку, а также непревзойдённому Александру Бушкову, эсквайру, (уточняю – «раннему» Бушкову!), с уважением и сентиментальным восторгом...

Странный сон (июнь 1943 года, Северное море, в ста километрах восточнее архипелага Шпицберген)

Послав внутренний голос далеко и надолго, он смело поплыл по направлению к острову. Поплыл ленивым и неторопливым кролем, сильно выдыхая воздух в воду через свой свисток после каждого второго гребка. Чувствовалось, что кайманы где-то рядом, окружили со всех сторон, образовав круг чистой воды с диаметром метров десять-двенадцать.

Он размеренно плыл, стараясь ни о чём не думать, время тянулось медленно и вязко, словно молочно-фруктовая ириска из далёкого босоногого детства...

Неожиданно ноги коснулись твёрдого дна, он торопливо выбрался на берег.

– Здорово это у вас получилось! – сообщил восторженный девичий голос. – Прямо как в крутых американских боевиках!

Он поднял голову и понял, что попал в беду, в Беду безысходную и неотвратимую, в ту, которая – «с большой буквы»...

Сердце провалилось в холодную бездонную пропасть. Мир изменился и засверкал новыми, абсолютно неизвестными

ми красками. В его заледеневшей душе снова закапала звонкая весенняя капель...

Девчонка, стоящая в трёх метрах от него, казалось бы, совсем не походила на прекрасную Небесную Принцессу: худенькая, невысокая – метр шестьдесят с кепкой, короткие растрёпанные светлы волосы, когда-то голубая футболка, покрытая буро-серыми пятнами во всех местах, заправленная в такие же грязные штаны непонятного цвета.

Босая, чумазая, милая...

А глаза – огромные, тёмно-зелёные, пронзительные.

Как бы там ни было, но его сердце плавилось, истекая горячими каплями неизвестного металла, а душа звенела – в предчувствии чего-то светлого и...

И —? Наверное, печального – до полной и нескончаемой бесконечности...

Глава первая

Архипелаг белых медведей

Качка усиливалась. Денис проснулся, помотал головой, отгоняя прочь наваждения странного сна, сел на койке, вставил ступни босых ног в кирзовые сапоги, набросил на плечи старенький бушлат, встал, распахнул дверь и, слегка пошатываясь, побрёл в направлении кают-компания. Каждый удар волны в борт «Стрелы» отдавался неприятной колкостью в копчике. Тихонько надавив на медную дверную ручку, он вошёл в просторный салон, изысканно отделанный панелями сандалового дерева.

Гранёный стакан, стоящий на боковом откидном столике вдруг качнулся и поехал в сторону.

– Держи его! – истошно завопил Галкин, перегнулся через спинку кресла, вытянул вперёд длинную руку.

Ничего, естественно, не получилось: стакан, неожиданно развернувшись, устремился, всё ускоряясь, к другому краю стола, секунда – полёт – звон разбитого стекла:

– Дзынь!!!

– Хансен – сволочь старая! – незлобиво констатировал капитан Галкин, беря в руки метлу и совок. – Знал ведь, дурилка шведская, что надвигается сильный шторм, а стакан так не прибрал. Морда.... Ладно, мужик-то он хороший. Пусть

живёт...

Громко заскрипел открываемый люк, послышался голос (на английском языке) вышеозначенного Хансена:

– Капитан! Нас догоняет неизвестный сторожевик без опознавательных знаков. Подняли международный сигнал: – «Немедленно лечь в дрейф!».

– Возвращайся к рулю. Сейчас мы поднимемся на палубу, – без малейшей тени волнения сообщил Галкин, после чего кивнул Денису: – Что ж, давай посмотрим на этих непонятных ухарей.

Волны явственно заматерели, обзавелись белыми пенными барашками, ветер – тревожно и нудно – завывал в снастях. Словно пел песню – о безысходности всего сущего...

Серый сторожевик – длинный, красивый какой-то хищной красотой – неотвратно надвигался с норд-веста, медленно сокращая расстояние, отделяющее его от беззащитной яхты. Никаких флагов и вымпелов, по которым можно было бы судить об его национальной принадлежности, не наблюдалось.

Прозвучала пулемётная очередь: скупое, трескучее, с раздробленной верхушки мачты полетели мелкие щепки.

– Объясняют, что имеют самые серьёзные намерения, – вяло предположил Хансен.

– Ладно, я пошёл в боевую рубку, – капитан зевнул – лениво, с чувством и расстановкой. – Имею на такой случай непреложные и чёткие инструкции. Поднять на клотике бе-

лый флаг! Потом разворачивайтесь, чтобы встать бортом к этим чудикам.

– Белый флаг? – искренне изумился Хансен. – У нас, кэп, нет на борту белого флага. Да и быть не может. Любые другие: полосатые, пятнистые, в крапинку – сколько угодно. Но, белый? «Стрела» трусостью никогда не могла похвастаться. Опять же, законы чести...

– Отставить пустые разговоры! – Галкин ещё раз зевнул и небрежно поправил очки с затененными стёклами, которые нервно качнулись на кончике его длинного носа. – Нет белого флага? Воспользуйтесь наволочкой! А ещё лучше – простынёю.... Выполнять! Моржову мать...

Дизель «Стрелы» сбавил обороты, громко зачихал, яхта начала разворачиваться, остановилась, неуклюже качаясь на крутых волнах надвигающегося шторма. Невесть откуда появилась туманная дымка. До борта неизвестного преследователя оставалось метров сто пятьдесят – сто семьдесят. На мостике сторожевика началась какая-то суматоха, послышался скрип работающей лебёдки, с высокого борта начали спускать баркас.

– Стоять спокойно! – оповестил мегафон на английском языке и тут же перешёл на немецкий: – Хальт, штеен ауф!

Раздался лёгкий шорох. Это из подводных люков «Стрелы» стартовали две торпеды, устремляясь по направлению к борту сторожевика. Буро-зелёные волны – с белыми барашками на своих вершинах – надёжно скрыли следы торпедной

атаки. Даже Денис, зная, что торпеды ушли, сколько ни вглядывался в волны, держась за угол распахнутой двери рулевой рубки яхты, так и не заметил характерных белых следов.

Заметили или нет эти следы на борту сторожевика – уже не имело никакого значения. Прошло около минуты, и – с секундным интервалом – прогремело два громких взрыва, заставив на короткое время умолкнуть все остальные звуки. Сторожевик тут же разломился на три составные части, превратившись за какие-то полминуты в бесполезные и беззащитные кучи металла.

«Страшное это зрелище – тонущий корабль!» – решил для себя Денис.

Снова уверенно заворчал дизель, яхта легла на прежний курс, неуклонно отдаляясь от места гибели так и неопознанного сторожевика.

– Что это было? – поинтересовался Денис.

– Бывает. В море всякое бывает. А у капитана имеются строгие и однозначные «Инструкции», – коротко и ёмко ответил Хансен и вежливо обратился к поднявшемуся на палубу Галкину:

– Кэп, там за кормой виден ещё один дымок. Судя по его цвету, это эсминец следует за нами. Торпед у нас больше нет. А если бы и были? Всё равно они в аппараты заряжаются снаружи, то бишь, в спокойных портовых условиях. Что будем делать?

– А ничего делать не будем, – флегматично пожал плеча-

ми капитан. – Шторм надвигается. А он, как известно, прячет все следы. ... Пойдём строго по ветру, на запад. Потом по широкой дуге обогнём остров Медвежий и отыщем нужный залив.

«Стрела» вошла в узкий и извилистый фьорд, берега которого представляли собой сплошные скалы – чёрные, причудливо изрезанные, неприступные, издали напоминавшие башни классического средневекового замка. Впрочем, вдоволь полюбоваться этой изысканной «архитектурой» не довелось: из глубины фьорда неторопливо и уверенно выплыл нескончаемый поток плотного тумана, окутав собой всё вокруг...

– Стоп, машина! Отдать якорь! Не спать, ленивые мазуты! – громко прокричал, как показалось, прямо в густой туман, капитан Галкин.

Пожилой моторист Хансен резко сбавил обороты двигателя, бодрая барабанная дробь сбилась с устойчивого ритма, усталый дизель недовольно и простужено зачихал, поперхнулся и затих.

Денис резко дёрнул за короткий рычаг механической лебёдки, в клюзе противно загрохотала ржавая якорная цепь. Он дождался, когда якорь ляжет на дно, медленно досчитал до десяти и, плавно повернув рычаг в другую сторону, намертво зафиксировал цепь.

Яхта, проплыв по инерции несколько метров, чуть-чуть

дёрнулась, и, словно бы окончательно подчиняясь поступившему строгому приказу, послушно закачалась на мелких зеленых волнах...

– Вот же местечко, не приведи Господь! Тупое сверло Морскому Дьяволу в печень! – невежливо сплюнул за борт Галкин. – Здесь туманы случаются чаще, чем где бы то ни было. Даже знаменитый город Лондон – колыбель Серых дождей, так его, плотно отдыхает. На Шпицбергене – в среднем за месяц – случается до двадцати туманных дней. Представляешь? Как ходить по морю в таких занюханных условиях? Сейчас будем тупо стоять и ждать. Тут такое общее правило давно уже установили: сильный туман опустился – тут же бросай якорь и дожидайся, пока он уйдёт. Нормальное правило, без него совсем было бы плохо. Хреново совсем было бы. Потопили бы все друг друга, к милой моржовой маме.... Сколько будем стоять на якоре? Да недолго, часа три-четыре. К вечеру обязательно распогодится, пришвартуемся – как белые люди – в цивильном порту, с положенными почестями...

Со времени их последней встречи тогда, в 1940 году, в славных водах благословенного Средиземного моря, капитан Галкин изменился совсем и несильно, разве что поседел окончательно и бесповоротно. А ещё стал гораздо более молчаливым и скрытным: за время отплытия из Архангельска так и не обмолвился ни единым словечком о том, чем занимался в течение трёх последних лет. Только многозначитель-

но поднял вверх пять растопыренных пальцев правой руки, что, очевидно, обозначало количество потопленных им судов противника. Впрочем, Денис тоже об этих своих годах рассказал весьма скупое, мол: – «Воевал, как и полагается. Как все. Выполнял приказы командования...».

Только от одного вопроса он не смог удержаться, задал его сразу – на второй минуте их встречи – на молу Архангельского порта:

– Сергей Сергеевич, а что там с Марией и Крестом? Мне говорили, что ты был должен к ним навеститься, детей – Ивана и Марту – доставить в Аргентину.

– Почему в Аргентину? – удивился Галкин. – Я их отвёз в Монтевидео, следовательно, в Уругвай. В мае сорок первого года. Хорошо, что успел – до начала войны... Саня Крестовский лично нас тогда встретил: настоящий кабальеро, ковбой натуральный. Гаучо, чёрт меня побери! Кроме детей я ему и денег немного передал от наших добрых и щедрых генералов, так что, теперь он, наверное, знатный уругвайский скотопромышленник. Обратное с собой прихватил ребят из «Азимута» – Лёху Сизого и его жену Айну.

– А Машу видел?

– Видел, конечно. Полностью поправилась, ещё красивей стала. Глаз не оторвать...

А вот яхте (она по-прежнему называлась «Стрела»), только на этот раз надпись на борту была сделана уже на испанском языке), безусловно, досталось: давно уже некрашенные

борта были покрыты многочисленными неаккуратными заплатами и уродливыми вмятинами – явно следами от пуль и осколков, мачта же была очень низкой и непропорционально толстой, видимо, при последнем ремонте выбор у команды был небогатый. Ничего не поделаешь, война... Да и сибирский пёс по кличке Аркаша как-то сдал за эти годы: стал совсем маленьким и худым, словно бы усох, шерсть ещё посветлела, наверно, тоже поседела – окончательно и бесповоротно...

Денис негромко попросил:

– Сергей Сергеевич, будь другом, расскажи мне немного про этот самый Шпицберген. Мне там придётся кантоваться не один месяц, а времени-то и не было – книжек почитать умных, разжиться полезными знаниями. Так что, друг, выручай!

Галкин покладисто согласился, но выразил настойчивое желание спуститься вниз, на тёплый камбуз:

– Местные туманы, они очень промозглые и коварные, оглянуться не успеешь, как подхватишь сильнейшую простуду. А то и натуральное воспаление лёгких. Давай, Дэн, лучше в тепле посидим, кофейку попьём!

Предложение было очень своевременным: за краткое время пребывания в этом белёсом тумане сопливость у Дениса резко и недвусмысленно повысилась...

Они выпили по три фарфоровых чашечки огненного аро-

матного кофе, приготовленного капитаном по старинному арабскому рецепту: с помощью крохотной спиртовки и кубической жестяной коробочки, наполненной на три четверти мельчайшим кварцевым песком.

После этого Галкин раскурил свою знаменитую чёрную трубку и, пуская к потолку камбуза идеально круглые кольца ароматного дыма, прочитал маленькую просветительскую лекцию:

– Шпицберген – это архипелаг в западной части Северного Ледовитого океана, в него входит более тысячи больших и маленьких островов. Общая площадь? А Бог её знает! Может, пятьдесят тысяч квадратных километров, а может, и все семьдесят пять тысяч. Лично я не считал... Да и как можно точно сосчитать, если больше половины архипелага покрыто тысячетлетним льдом? Сколько не считай, всё равно ошибёшься, право слово...

– Гав! – как и всегда согласился с хозяином старенький сибирский пёс, свернувшийся калачиком рядом с худыми капитанскими коленями.

– Молодец, друг Аркаша, всё правильно понимаешь! – Галкин ласково погладил собаку и продолжил: – Считается, что первым нанёс архипелаг на карту в конце шестнадцатого века знаменитый Виллем Баренц. Да, тот самый, в честь которого названо Баренцево море.... А вообще, о существовании этих островов русские и норвежские мореходы знали еще в Средние века. Долгое время эта территория счита-

лась «ничейной». И только в феврале 1920 года над Шпицбергом был установлен достаточно ограниченный суверенитет Норвегии.... Правда, последние несколько лет, начиная с сорокового года, тут только немцы «правят бал». Львиная доля местного угля (просто отличного по качеству и основным полезным свойствам!) потребляется немецким военным флотом, что-то редкими транспортами уходит в Германию, немного норвежцам достаётся, испанцам.... Ты ведь, Дэн, нынче опять – Оскар Рамос? Личный представитель испанского генерала Франко? Да, скользковатая легенда, однако. Впрочем, руководству виднее.... Местная столица – Longyearbyen. По крайней мере, так пишется это название. А называют этот посёлок – кто во что горазд: Лонгйир, Лонгйир, Лонгербюйн, Лонгербин, Лонгербен.... А как правильно – неизвестно. Сейчас тут обитает больше тысячи человек, половина – разные немецкие военные, остальные с углём работают: шахтёры, докеры, канцелярские крысы, куда же без них. Климат в этих местах достаточно дружелюбный и мягкий. Есть на свете острова и похолоднее. Шпицберген же архипелаг очень и очень тёплый. В относительном понимании, конечно же, ясен пень.... Среднегодовая температура составляет около плюс пяти градусов по Цельсию. Зимой редко, когда столбик термометра опускается ниже отметки минус пятнадцать-шестнадцать градусов, а летом плюс десять-двенадцать – абсолютно нормальная температура. Поэтому побережье всех этих островов и островков летом по-

крывает зеленая трава, везде расцветают яркие полярные цветы. Очень красивое зрелище, могу доложить! Видов животных на архипелаге насчитывается не очень много: тюлени, белые медведи, песцы, горные бараны, лемминги и овцебыки. Но главное украшение Шпицбергена – это его замечательные птичьи базары. Миллионы разных птиц, клянусь честью, миллионы...

По прошествии трёх часов Денис знал о Шпицбергене гораздо больше, чем о городах Москве и Нью-Йорке – вместе взятых.

– Эй, кончайте трепаться! – раздался (на английском языке) с палубы сердитый голос Хансена. – Туман уходит. Минут пять осталось. Пора сниматься с якоря. Да, вот и цветные картинки начинаются, можете полюбоваться. Очень красиво!

– Бездельник и лентяй! – в шутку ругнулся в адрес шведа Галкин. – Столько лет ходим-плаваем вместе, а он так и не соизволил выучить русский язык. Даже обидно бывает. Иногда... Ладно, Бог с ним. Пошли-ка, Дэн, наверх, сейчас я тебе «глорию» покажу. Никогда про неё не слышал? Завлекательное зрелище! Бывает только на островах Шпицбергена, и только поздней весной. Потом, долгими зимними русскими вечерами, будешь детям и внукам своим рассказывать...

Денис следом за капитаном выбрался на палубу судна.

Лучи весеннего солнышка робко пробивались сквозь лёгкую невесомую дымку, плотная стена тумана, плавно изги-

баясь, медленно уходила от яхты прочь, в сторону сурового Северного моря. И на фасаде этой молочно-белой стены – словно в большом старинном зеркале – Денис, совершенно неожиданно для себя, увидел отражение «Стрелы», окружённое разноцветным радужным ореолом. Вот лиловый капитан Галкин раскуривает свою трубку, отливающую в этом тумане-зеркале всеми оттенками фиолетового и сиреневого, а вот светло-зелёный пёс Аркаша бодро нарезает круги вокруг алой рулевой рубки...

– Не может такого быть! – опешил Денис. – Что происходит, капитан?

Галкин, довольный произведённым эффектом, охотно пояснил:

– Впервые это явление, известное нам сейчас как «глоурия», описал великий Амундсен. Очень похоже, что он самолично и название придумал: – «Солнечные лучи падают под таким редким углом, что вокруг теней, которые отбрасывают предметы, раскладываются по краям цвета спектра... Архипелаг Шпицберген одно из немногих мест на Земле, где можно воочию увидеть цветную тень. Особенно впечатляющие картины получаются тогда, когда огромные тени от скал или морских судов падают на туман или низкие перистые облака...».

Неторопливо пройдя рядом со сторожевыми немецкими судами, «Стрела» элегантно пришвартовалась около ста-

ренького причала Лонггира. На мачте яхты развивался целый набор различных флагов: испанский, флаг «Тысячелетнего Рейха», ещё какие-то длинные разноцветные вымпелы. У Дениса сложилось стойкое впечатление, что немецкие моряки – судя по количеству бездельников, столпившихся вдоль бортов – были немало удивлены появлению в этих суровых водах такой экзотики.

Через десять минут после того, как яхта замерла около низенького пирса, а Хансен перебросил на берег и тщательно закрепил неказистые сходни, к «Стреле» подошёл пожилой, достаточно упитанный немецкий морской офицер в звании фрегаттенкапитана – в сопровождении подтянутого оберштурмбанфюрер СС и двух бравых широкоплечих автоматчиков.

Пожилого моряка звали Франк Шварц, и он временно исполнял обязанности начальника местного морского порта. Оберштурмбанфюрер СС звался несколько неожиданно для такого высокого звания – Лукаш Пушениг (словенская фамилия), и он отвечал за общую безопасность – в том числе, идеологическую – местного немецкого военного гарнизона. Господа офицеры были предельно вежливы и корректны. Что, впрочем, не помешало им самым тщательным образом ознакомиться со всеми верительными документами Дениса и всеми судовыми бумагами Галкина (по документам капитан значился как Сержио Кубрик, обладатель двойного гражданства – испанского и аргентинского).

– Рады приветствовать вас, уважаемые сеньоры, на берегу сурового Шпицбергена! – ознакомившись с документами, пафосно заявил фрегаттенкапитан Шварц. – Наш Офицерский клуб всегда к вашим услугам! Он, кстати, находится совсем недалеко от гостиницы, где зарезервирован номер для сеньора Рамоса. . . . Я искренне рад, что наши края посетил личный представитель знаменитого генерала Франко. Мы высоко ценим его действенную помощь Великому Рейху. Гибель вашей «Голубой дивизии» под русским Новгородом заслуживает самых тёплых слов. Умирать с таким мужеством, практически в полном составе – дорогого стоит! Надеюсь, господа, что на днях, за рюмкой хорошего шнапса, вы порадуете нас своими рассказами о благословенной Испании и других экзотических тёплых краях?

Денис, естественно, выразил свою полную готовность – паразитить доблестных офицеров Вермахта своими способностями в жанре «разговорного творчества». Галкин же, скорчив расстроенную мину, принялся бормотать неуклюжие извинения:

– Извините, господа! Но я не смогу удовлетворить ваше любопытство, ибо уже через час вынужден покинуть сей гостеприимный порт. . . . Служба. Ещё раз, извините!

– Ну что вы, что вы, сеньор Кубрик! – успокаивающе замахал руками толстый Шварц. – Мы всё понимаем! Судя по многочисленным отметкам пуль и осколков на бортах, ваша великолепная «Стрела» является отнюдь не мирным прогу-

лочным судном?

– Отнюдь, – польщено заверил Галкин.

«Да, знал бы ты, фрегаттенкапитан, сколько немецких посудин потопил этот непрезентабельный седой господин в чёрных очках, совсем бы по-другому заговорил», – насмешливо улыбнулся про себя Денис...

Поздним вечером, уже распрощавшись с Галкиным, Денис устроился в местной гостинице. Заведение оказалось вполне пристойным, особенно если учитывать тот факт, что Лонггир располагался на восьмидесятом градусе северной широты, и до Северного Полюса было рукой подать. Простыни, правда, оказались слегка сероватыми. Да, чего уж там, бывало и хуже... В том смысле, что иногда о любых простынях оставалось только мечтать – многие недели напролёт.

Денис лежал на узкой неудобной койке, подложив руки под голову, и вспоминал недавние события, предшествующие его появлению на архипелаге Шпицберген...

Это случилось в первой декаде мая 1943 года, чуть больше месяца назад.

Пришёл строгий приказ из самой Москвы – прибыть незамедлительно. На военный аэродром под Колтушами приземлился старенький АНТ-4, за штурвалом которого находился совершенно незнакомый молодой лётчик.

– А где же мой друг Иннокентий Громов? – недовольно поинтересовался Денис.

– Иннокентий Иванович сейчас работает в Главном Управлении ВВС ВМФ, отдел возглавляет, – немного смущённо доложил лётчик. – Он мне про вас, Денис Евгеньевич, очень много рассказывал. Не волнуйтесь, я вас в лучшем виде доставлю! Даже не укачает!

Денис и не волновался – в самолётах его никогда не укачивало...

На подмосковном аэродроме его встретили два молчаливых и неприметных капитана на светло-серой «эмке». Порядком потряслись по плохеньким просёлочным дорогам, уже ближе к вечеру приехали в Завидово, на одну из Правительственных дач-резиденций.

В комнате, отделанной и обставленной в русском деревенском стиле – бревенчатые, почерневшие по границе с потолком стены, две русские печки, занавески с вышитыми петушками на узких окнах – кроме Дениса находились Лаврентий Павлович Берия, Вольф Мессинг и полковник Ануфриев – один из руководителей внешней разведки СССР.

– Здравствуйте, Денис Евгеньевич! – Берия протянул вялую ладошку.

– Здравия желаю, товарищ Народный Комиссар! – громко ответил Денис.

Берия недовольно поморщился:

– Говорите потише, товарищ Леонов, глухих здесь нет. Посмотрите, товарищи, какого молодца – общими усилиями – мы вырастили! – обернулся к Мессингу и Ануфриеву. –

Одно слово, орёл!

– Орёл с майорскими погонами, – как всегда неуклюже пошутил Мессинг.

– Жива ещё группа «Омега», жива, – подытожил Берия.

«Ничего не понимаю», – засомневался про себя Денис. – «От всей группы-то и остались – я да моя жена Татьяна. Гарик Третьяков погиб в 1939 на Филипинах, Эдит Гражар ещё в 1940 году была командирована в неизвестном направлении, с тех пор о ней ничего не известно. Есть ещё, правда, супруги Крестовские: Крест (Саня, Санька, Санёк) и Маша, да они зависли где-то в Южной Америке. О чём же это Лаврентий Павлович тогда говорит?».

После традиционно неторопливого распития кофе (вернее, кофейного напитка, сильно отдающего желудями и незрелым овсом) – под традиционные же каменные фигурные пряники – Берия перешёл к делу:

– В Ленинграде, майор Леонов, вы себя очень хорошо проявили. Организация Дороги Жизни через Ладожское озеро была очень своевременной и эффективной.... Если не секрет, откуда вы узнали, что зима будет такой ранней и суровой? Ладно, можете не отвечать, двигаемся дальше.... Сейчас, дорогой Денис Евгеньевич, перед вами будет поставлена очередная задача, как всегда очень сложная и трудно-выполнимая. Вы когда-нибудь слушали о так называемом немецком «Оружии возмездия»?

– Конечно, Лаврентий Павлович, я ознакомлен с соответ-

ствующими секретными документами, – заверил Наркома Денис. – Фау-1 – это элементарный самолёт-снаряд, управляемый автопилотом, Фау-2 – это баллистическая ракета с жидкостным реактивным двигателем, а Фау-3 – это летающие на очень больших скоростях плоские серебристые диски...

– Остановитесь, майор, здесь же не экзамен! – нетерпеливо прервал его Берия. – Так вот, вам предстоит проследовать на архипелаг Шпицберген, крепко вжиться – согласно вашей легенде – в местную атмосферу, перезнакомится с тамошними высокопоставленными представителями Вермахта. Кроме того, необходимо самым тщательным образом, конечно же, под благовидным предлогом, обследовать территорию острова Медвежий, расположенную севернее городка Лонгъира.... По нашим сведениям ранней весной 1944 года именно в этом районе немецкие военные планируют проведение широкомасштабных испытаний нового, совершенно засекреченного вида оружия массового поражения. Впрочем, сейчас для вас это абсолютно неважно. Внедряйтесь, вживайтесь, знакомьтесь, тщательно изучайте окружающую местность. Дальнейшие инструкции получите уже на месте, ближе к означенным мной событиям. Полковник Ануфриев! Ознакомьте майора Леонова с его легендой.

Полковник Ануфриев – дородный, медлительный и вальяжный тип – неторопливо поднялся со стула, солидно откашлялся и известил:

– Мы решили не придумывать новой модели велосипеда. Вы, майор, отправитесь на архипелаг Шпицберген под уже привычным для вас именем. То есть, Оскара Рамоса, жителя испанского города Малаги. Только теперь вы уже не пошлый частный бизнесмен, а заслуженный государственный чиновник, торгово-политический представитель генерала Франко в этом северном регионе Европы. . . . На дальнем столе лежит папка с досье генерала, прочтите. Некоторые вещи советую выучить наизусть, например, полное имя сеньора, основные вехи на его интересном жизненном пути. Вдруг, кто-то из немецких офицеров поинтересуется? Официальная ваша миссия: после победоносного завершения немецкими войсками Второй Мировой Войны наладить полномасштабную и взаимовыгодную торговлю между Испанией и Шпицбергом, имеющим статус свободной экономической зоны под флагом Норвегии. Вас интересуют тамошние природные ископаемые: высококалорийный каменный уголь, высококачественная железная и марганцевая руды, графит, слюда, фосфорит, асбест. . . . Вы же, если не ошибаюсь, геолог в прошлом? Вот и будет у вас прекрасный повод обследовать северные территории Медвежьего острова – на предмет поиска новых месторождений данных ископаемых. Оборудованием, каким сами скажите, вас оснастим, прочими научными причиндалами. Последнее. . . . Ведите себя на Шпицбергене спокойно и естественно. Все верительные бумаги – за подписью господина Франко – самые что ни есть настоящие. Сомнева-

етесь? – густые брови генерала удивлённо взлетели вверх.

– Да как-то немного неожиданно, – пожал плечами Денис. – Все же знают, что генерал Франко – тиран и душитель свободы, откровенно поддерживающий фашистов. С чего бы ему нам помогать?

– Всё очень просто, товарищ Леонов, – мягко и ненавязчиво вмешался в разговор Мессинг. – Если человек тиран, то это ещё не значит, что он является законченным дураком. И, вообще, сугубо между нами... Тиран тирану – рознь. Вот, взять того же Муссолини: между ним и Франко запросто можно найти куда как много похожего. Только вот я почему-то уверен, что Муссолини закончит свою жизнь очень и очень плохо, и, главное, совсем скоро. А вот господин Франко доживёт до глубокой старости, в почёте и неге... И всё потому, что один из них умён и нос держит по ветру, а вот другой – обычная коричневато-серая посредственность. Теперь-то понимаете меня?

– Ну да, ну да, – закивал головой Денис. – Теперь понимаю. Может быть...

Мессинг прошёл в дальний угол комнаты, где одиноко застыл старый низенький рояль, сел на хлипкий крутящийся стульчик, негромко запел, чуть картавя и явно подражая Александру Вергинскому:

Прохладных струн – касаясь – тоненькими пальчиками,
Она негромко пела – о любви...

И замер ветер, что гулял над мачтами,
В далёкой роще смолкли соловьи...

Прохладный ветер, тоненькие пальчики...
Она негромко пела – о любви...

– Это ещё что такое? – неожиданно рассердился Берия. – Прекратите немедленно, Вольф Григорьевич! А вы, майор Леонов, его не слушайте! Лирика в наших с вами делах – совершенно неуместна...

А ещё – уже перед самым отъездом в Архангельск – Денис ознакомился с содержанием картонной тёмно-зелёной папки, на лицевой стороне которой была приклеена квадратная бумажка с надписью: – «Совершенно секретно. Информация о возможности создания оружия на основе цепной реакции, получаемой при расщеплении атомов обогащённого урана и плутония. Прогнозы по внешним признакам применения и последствиям. Составители: Мессинг, Курчатов, Иванов».

Прижился Денис в Лонгьире. Немцы, впрочем, этот городок дружно именовали Лонгербеном. Прижился, оброс многочисленными и легкомысленными приятелями, стал всегдагдатаем Офицерского клуба, активно поигрывал в бридж и шестикарточный покер. Естественно, только тогда, когда отдыхал от своих неустанных геологических поисков.

Лукаш Пушениг, оберштурмбанфюрер СС, первое время выделял Денису в его регулярные экспедиции двух дю-

жих унтер-офицеров – и охранять дорогого испанского гостя от всевозможных опасностей, да и присматривать за ним, любезным. Впрочем, очень скоро герр Пушениг понял, что подопечный является опытным путешественником и в няньках не нуждается. Да и Денис ничего от оберштурмбанфюрера не скрывал: после каждого завершённого похода заходил в Офицерский клуб, показывал образцы найденных горных пород, демонстрировал расчёты по ёмкостным характеристикам предполагаемых месторождений. Поэтому brave унтер-офицеры стали сопровождать Дениса, что называется, через раз...

А потом началась суровая полярная зима, выпал глубокий снег, задули настырные метели, желающие – составить ему компанию – сразу же и перевелись...

Денис арендовал у местного норвежского фермера, с которым успел подружиться, двух молодых оленей, нарты, шестёрку лохматых псов и специальные сани для езды на собаках. Когда снега было ещё совсем мало, он передвигался на медлительных оленях, потом, ближе к середине зимы, больше стал пользоваться собачьей тягловой силой.

Всё бы и ничего, но больно уж много белых медведей было вокруг, неправдоподобно много. Постоянно несколько зрелых особей находились в прямой видимости. Из поселка никто никогда не выходил без надёжной винтовки. Причём, медведей было принято только слегка пугать, стреляли на поражение лишь в самых-самых крайних случаях.

Очень нравилась Денису такая жизнь. Всё происходило прямо по Джеку Лондону: дней пять-семь хорошенько помёрзнешь, устанешь до полной потери пульса, вернёшься, накормишь голодных собак, примешь горячую ванну, выспишься на чистых простынях – как белый человек, а потом – в салун, офицерский клуб, то бишь...

Там в старом камине горит жаркий огонь, вежливый официант ставит перед тобой большую тарелку с огромной оленьей отбивной, ещё пузырящейся каплями янтарного жира, рядом с тарелкой – высокий бокал и початую бутылку первоклассного шотландского виски (год назад два немецких эсминца привели в порт Лонггире английское торговое судно), фарфоровое блюдечко, наполненное кусочками голубоватого льда...

Не жизнь, а спелая и сладкая малина. Живи и радуйся. Чего тебе ещё не хватает, хороняка, для полного счастья?

Как – чего не хватает?

Её, естественно, и не хватает.

Женской горячей ласки...

Женщины в Лонггире, конечно же, были.

Самые разные женщины, и нормального поведения, и слегка облегчённого. Да вот не настроен был Денис изменять любимой жене Татьяне.

Не настроен, и всё тут...

Хотя, если совсем по-честному, то во сне изменил, всё же,

несколько раз, грешен. Но только во сне... С белокурой докторшей и изменил, которая объявилась в городке где-то с месяц назад – сразу после 23-го февраля, ежегодного праздника победоносной Красной Армии.

Симпатичная такая докторша по имени Анхен, с многоговорящей знающему человеку фамилией – Мюллер. Миниатюрная, улыбчивая, со стройными и полными ногами – аппетитными до полной невозможности.

Анхен даже немного походила на Таню: только ростом чуть пониже, да у Татьяны светлые волосы были прямыми, а у этой молоденькой немки кучерявились – будто она их каждую ночь завивала на водяные бигуди...

А ещё следует заметить, что и Денис докторше определённо нравился. При случайных встречах улыбалась ему Анхен широко и призывно, даже подмигивала недвусмысленно, когда никто не смотрел в их сторону.

Один раз она даже пришла к нему в гостиницу.

Хорошо ещё, что Денис докторшу случайно увидел в окошке, сразу затаился, спрятался за дверным косяком. Девушка тихонько постучалась в дверь, подождала с минутку, ещё раз постучалась.

– Откройте, дорогой сеньор Оскар! – попросила негромко, но очень настойчиво. – Мне надо вам показать одну вещь... Очень интересную для вас вещь! Откройте, я же знаю, что вы дома! Вот уже никогда не думала, что испанские мужчины – такие законченные трусы!

Ну, и ещё добавила пару слов, позабористей да пообидней.

Стыдно Денису было это выслушивать (хоть и не был он испанцем), но сдержался, уши пальцами заткнул, глаза замурил, дверь так и не открыл...

Наступила самая настоящая весна, с цветных низеньких крыш уже всю капало, по узким улочкам городка журчали крохотные звонкие ручейки.

Денис – в весьма грустном расположении духа – медленно шёл к Офицерскому клубу, ловко перепрыгивая через многочисленные лужи. Только что он вернул фермеру своих ездовых собак: снег начал активно таять, на собаках уже не поездишь. Привязался Денис к этим лохматым псам за долгую полярную зиму: столько вместе прошли трудных дорог, столько он рассказал всего своим четвероногим друзьям – за время долгих совместных ночёвок у жарких северных костров...

С людьми-то было не поговорить толком, только вот собаки и оставались, теперь и их не стало... Были ещё, конечно, олени, они и весной и летом здорово могли пригодиться. Да какие, собственно, собеседники – из глупых северных оленей? Насмешка одна такая, насмешливая до слёз. Вот собаки, это – да! Так умеют слушать, словами не передать...

«Как жалко пёсиков!», – грустно вздохнул Денис. – «Впрочем, может это всё и к лучшему: некому теперь жало-

ваться на горькую судьбу, не перед кем душу вывёртывать наизнанку, глядишь, хандра и пройдёт – сама по себе...».

А еще его очень сильно беспокоило молчание Москвы.

Приближалось время предполагаемых испытаний неизвестного оружия, а долгожданного связного всё не было. Что делать дальше? Действовать на свой страх и риск? Дров бы не наломать...

Впереди мелькнул знакомый беличий капор навязчивой до неприличия докторши.

– А, чтоб тебя, шалаву кучерявую! – коротко ругнулся он себе под нос, резко повернул назад, по короткому переулку перебежал на параллельную улицу и двинулся к Офицерскому клубу длинной дорогой, в обход.

Смешное это, должно быть, выглядело со стороны: здоровый взрослый мужик – как испуганный заяц – со всех ног убегает от симпатичной белокурой дамочки.

Кому-то смешно, а кому-то и не очень...

Денис сидел в столовом зале Офицерского клуба, стены которого были густо завешены разнообразной фашисткой атрибутикой, и вяло ковырялся вилкой в тарелке, наполненной неаппетитными тресково-свиными тефтелями. Отодвинул тарелку в сторону, взялся за высокий стакан с шотландским виски, сделал несколько маленьких глотков. Ничего не помогало, настроение неуклонно и планомерно портилось.

– Вот вы и попались, мой милый боязливый испанец! –

сообщил за спиной насмешливый женский голосок. – Теперь уже никуда не денетесь...

Он резко обернулся. Так и есть, настырная медичка – собственной персоной. Ну, надо же так вляпаться!

Стараясь максимально соблюдать приличия и не делать резких движений, Денис неторопливо поднялся на ноги, деланно и устало зевнул, старательно изобразил на лице некое подобие приветливой улыбки:

– А, это вы, милая Анхен! Очень хотелось бы откровенно поболтать с вами, но не могу, извините... Уже договорился с герром фрегаттенкапитаном на дружескую партию в шотландский бридж. В два круга, по маленькой, не всерьёз... Так что простите, прекрасная фройляйн, вынужден откланяться!

– Да сидите, сидите! – надула пухлые губки докторша. – Очень мне надо! Сидите, кому говорю! Допивайте свой виски! Ой, а что это за птица? Там, на подоконнике? – ткнула тоненьким пальчиком в наполовину замёрзшее окно.

Денис посмотрел в указанном направлении.

– Это же обыкновенный полярный воробей, милая Анхен. Вы что же, воробьёв никогда не видели? Обыкновенный воробей, только белого цвета.

Девушка возмущённо нахмурилась:

– Всё издеваетесь надо мной, сеньор? За последнюю дурочку принимаете? Ну, и ладно! Всего хорошего, господин испанский гранд! Счастливо оставаться! – рассерженным

движением накинута на белокурые волосы беличий капор и, громко хлопнув дверью, выбежала на улицу.

Он допил свой виски. Хотел заказать ещё одну порцию, но раздумал в самый последний момент, почувствовав лёгкое головокружение. Бросил на стол несколько мятых купюр, да и тоже отправился домой, то есть, в гостиницу, надеясь хорошенько выспаться...

Ночью ему неожиданно стало очень плохо: беспрестанно кружилась голова, нестерпимо тошнило, от сильной рези из глаз потекли крупные слёзы...

«А ведь это меня добрая и милая девочка Анхен отравила», – неожиданно понял Денис. – «Пока я пиялился на старого полярного воробья, она мне что-то незаметно подсыпала в бокал. За что вот только? Неужели за то, что я отверг её притязание? Или...?».

Шатаясь из стороны в сторону, он выбрался в слабоосвещённый коридор.

– Что с вами, герр офицер? – бросился навстречу ночной портье.

Ответить ему Денис уже не смог, на глаза опустилась чёрная непрозрачная шторка, последние силы закончились...

Глава вторая

Неожиданная напарница

Сквозь вязкий тёмно-лиловый сумрак слышались голоса.

– Что же случилось с уважаемым сеньором? – по-немецки вопрошал строгий мужской голос.

– Очень сильное пищевое отравление! Причём, явно, по вашей милости! – взволнованно, и где-то даже гневно, отвечал ему женский. – Разве можно так много времени проводить в этих дурацких походах по острову? Питаться непонятно чем? Спать у костра в объятиях блохастых ездовых собак? Там же царит полная антисанитария! Как в таких условиях осуществляются туалетные процедуры? Нет, вы мне ответьте, герр оберштурмбанфюрер! Как? Что, молчите? Стесняетесь, словно юная и непорочная гимназистка? Так я отвечу. Это вы – виноваты во всём! Вы – лично! Разве можно было сеньору Рамосу разрешать вести такой легкомысленный образ жизни? Особенно в условиях здешней Полярной Ночи? Надо же и отдыхать иногда! Вы знаете, что у сеньора просматриваются все признаки, характерные для ранней цинги? Нет, я определённо буду жаловаться на вас! Вот только решу – кому конкретно – и сразу пожалуюсь...

Лукаш Пушениг бубнил что-то извинительное, стараясь

хоть как-то оправдаться в глазах настырной докторши, но Денис его уже не слушал.

«Что же произошло?» – он тщетно пытался выстроить в голове хотя бы какую-то мало-мальски логическую цепочку. – «Отравить меня до смерти она не хотела. Это ясно, как Божий день. Тогда – что? В смысле, зачем? И что ещё такое: – «Просматриваются все признаки, характерные для ранней цинги»? Откуда у меня цинга? Такого, просто-напросто, не может быть! Или, всё же, может?»...

– Всё, господин Пушениг, немедленно покидайте палату! – решительно заявила Анхен. – Тут вам не Кунсткамера, познавательные экскурсии не проводятся. Убедились, что личный посланник генерала Франко жив? Всё, попрошу на выход! Попрошу, попрошу...

Послышались чьи-то размеренные шаги, негромко хлопнула входная дверь.

– Эй, друг мой, открывайте-ка ваши красивые глазки! – неожиданно велела по-испански докторша. – Я, всё же, врач. Сразу вижу, когда пациент проснулся и только усиленно притворяется спящим. Не надо обманывать доверчивую девушку. Открывайте, открывайте глаза, не бойтесь! Я, честное слово, не кусаюсь...

Тяжело вздохнув, Денис мысленно отдал соответствующий приказ своим ресницам. Так и есть, милая Анхен вольготно расположилась в удобном кресле, игриво перебросив одну свою стройную ножку через другую, не менее строй-

ную, глядя на него весело и чуть насмешливо.

– Чем обязан, милая сеньора? – хмуро поинтересовался Денис.

– Сеньорита, – так же лучезарно улыбаясь, уточнила юная блондинка, многозначительно подмигнула и размеренно произнесла условный пароль: – Японцы обожают голубые гвоздики!

После этого Анхен достала из кармана белоснежного медицинского халата часть старинного золотого дублона и положила этот предмет на крохотный столик, придвинутый вплотную к кровати, на которой лежал Денис.

– Убедитесь, что я действительно та, за кого себя выдаю, – настойчиво попросила симпатичная врачиха, сверля своего пациента холодным пристальным взглядом.

Денис осторожно взял со стола половинку антикварной монеты, совместил с другой половинкой, висящей на его груди на толстой и короткой цепочке. Части дублона совпали идеально, последние сомнения улетучились: перед ним находился долгожданный связной (вернее, связная) из Москвы.

Было нестерпимо стыдно: проявить такой вопиющий непрофессионализм, позволить смешным комплексам обладать над элементарной логикой и наблюдательностью! Связная ему сигнализировала, что надо срочно уединиться для решения насущных шпионских вопросов, а он не весть что себе нафантазировал. Вот и пришлось бедной девушке

в его бокал с виски подсыпать какой-то хитрой химии, чтобы пообщаться без лишних глаз... Эх, позорище-то какое! Моралист хренов, мальчишка!

– Да ладно вам, милый сеньор Рамос, так переживать и расстраиваться. Даже покраснели, – совершенно нейтрально, без какого-либо намёка на насмешку посоветовала Анхен. – Со всяким может случиться. Всё равно вы для меня – живая легенда и образец для подражания. Как же, командир легендарной «Омеги»! Ладно, давайте позабудем об этом незначительном казусе и перейдём к делу...

Центр оповещал, что в самом начале мая месяца в северной части острова Медвежий будут проводиться испытания последней модели летательного аппарата по секретному проекту «ФАУ-3». В присутствии инженера-конструктора Рудольфа Шривера испытываемый аппарат должен был подняться в воздух, произвести бомбометания по нескольким учебным объектам, расположенным на необитаемых островах архипелага, после чего осуществить беспосадочный перелёт до одного из секретных аэродромов, расположенного в Баварских Альпах.... Командование настаивало на уничтожении этого «летающего диска» любой ценой. Желательно таким образом, чтобы всё выглядело как естественная катастрофа, связанная с несовершенством конструкции аппарата. Кроме того, было бы совсем неплохо, чтобы все эти действия заснять на киноплёнку....

«Да, аппетиты у руководства скромней не стали!», – пе-

начально отметил про себя Денис. – «Впрочем, и не такие головоломки приходилось решать ...».

Анхен ловко расстелила на столе подробную карту острова Медвежий.

– Вы, Оскар, уже девять месяцев изучаете эти места. Вот и подумайте, где сподручней и удобней всего проводить такие испытания? Требования к такой площадке должны быть следующие. Во-первых, близость к морю и наличие глубокой неприметной бухты, чтобы морской транспорт мог подойти к берегу вплотную. Во-вторых, обязательно наличие достаточно обширной и ровной горизонтальной стартовой площадки. В-третьих, эта площадка должна быть скрыта от случайных посторонних взглядов высокими скалами. Так как, уже есть предположения?

Денис подумал минуты две-три, после чего уверенно ткнул указательным пальцем в светло-коричневое пятно на карте.

– Вот здесь, в Синей долине. Идеальнейшее место.

– Вы уверены? Какие существуют аргументы для такого выбора?

Он был искренне поражён произошедшей в девушке перемене. Куда только девалась легкомысленная и весёлая докторша? Сейчас перед ним сидела настоящая профессионалка, хладнокровная и рассудительная, заинтересованная только вопросами, связанными с успешным выполнением конкретной поставленной задачи.

«Впрочем, так и должно быть. Со своими лицедейством заниматься не стоит, можно показать и истинную сущность», – понимающе вздохнул Денис, и доходчиво объяснил:

– Раньше, очень много лет назад, по этой узкой долине протекала Синяя река. Ну, не совсем река – в нашем обычном понимании. Здесь, на Шпицбергене, реками называют ледники. Медленно двигается такой ледник по горной долине, практически – течёт.... Зимой может остановиться, «уснуть», весной снова «проснуться», а летом опять потечь вперёд – со скоростью несколько метров в сутки. Вот такие «ледяные черепахи» и ползают по здешним островам.... Понятное дело, что летом, когда лёд активно тает, по ледяной поверхности и потоки настоящей воды устремляются к морю. Только и талая вода очень лениво стекает вдоль тел ледников, совершенно бесшумно, безо всякого хрустального звона и иных звуков.... Очень уж они молчаливые – эти ледяные реки. Пока я всё понятно излагаю?

– Очень доходчиво, – коротко и серьёзно кивнула головой девушка. – Можно даже чуть покороче, без излишних лирических отступлений.

«Вот бы Лаврентий Павлович порадовался такому ответу!», – некстати умилился Денис.

– Так вот, Синяя река приказала долго жить много лет тому назад. То есть, «скончался» ледник, весь лёд – без остатка – скатился в море. А последний километр Синий доли-

ны, он строго горизонтальный.... Теперь представьте себе идеально ровную площадку со следующими размерами: девятьсот метров в длину, девяносто метров в ширину. Лучшего места не найти: с двух сторон площадку окружают высокие неприступные скалы, с третьей – море, где военный (или – транспортный) корабль будет стоять вплотную к берегу (там невысокий обрыв и глубина – метров семьдесят), с четвёртой стороны – резкий поворот Синей долины. С охраной также нет никаких проблем: вдоль долины расставляются часовые, с высоких скал они всю округу на много километров будут чётко просматривать, никому туда не подойти незамеченным.

– Да, действительно, идеальное место, – согласилась Анхен и тут же забеспокоилась: – А как же вы туда проберётесь? Это что же, получается, что задание невыполнимо? Ничего сделать нельзя?

Вот он и получил прекрасную возможность реабилитироваться в глазах своей юной напарницы – за прокол с ханжескими взглядами на взаимоотношения полов.

– Для опытного человека – абсолютно все задания выполнимы, – глубокомысленно изрёк Денис, надевая на физиономию высокомерную маску графа Монтекристо. – Я поступлю очень просто: прибуду в Синюю долину раньше этих испытателей на неделю-полторы, тщательно спрячусь в укромной пещере, заложу вход, замаскируюсь, оборудую место для скрытой съёмки, ну, и так далее.... Извините, но не хочу рас-

крывать все свои профессиональные секреты...

– Конечно, конечно, – потерянно проговорила Анхен.

Он с удовольствием отметил, что щёки девушки слегка порозовели, а взгляд стал гораздо менее уверенным.

– Знаете что, милая Анхен, – Денис решил проявить благородство. – Мне очень нужна ваша помощь.

– Всё, что угодно! – горячо заверила девушка, преданно заглядывая ему в глаза.

«А ведь, похоже, что она действительно в меня втюрилась!», – недовольно (или – довольнo?) усмехнулся про себя Денис...

Представление было разыграно как по нотам: с чувством, толком и расстановкой. Через два дня после своего внезапного заболевания Денис был выписан из больницы, ходил по Лонгвиру стариковской шаркающей походкой, весь бледный и несчастный из себя, жалуясь каждому встречному и поперечному на головокружение и общую слабость.

А ещё через недельку, во время празднования в Офицерском клубе дня рождения герра фрегаттенкапитана, он незаметно для окружающих проглотил круглую розовую таблетку, вручённую ему накануне напарницей.

Последствия не заставили себя долго ждать: обильная рвота – прямо за праздничным столом, несимпатичные судороги, сдёрнутая на пол скатерть, разбитые фужеры и тарелки, опрокинутые бутылки с дорогими коллекционными ви-

нами, и, в качестве достойного финала, глубокий обморок, сопровождаемый разбитой до крови головой.

Неприятны были Денису такие дешёвые фокусы, да ничего не попишешь: интересы дела, как известно, превыше всего...

На следующий день дверь его палаты приоткрылась, и в образовавшейся щели показалась физиономия Лукаша Пушенига.

– Входите, дорогой оберштурмбанфюрер, входите! – усталым и недовольным голосом попросила Анхен, изображая из себя усердную сиделку, честно продежурившую у постели больного всю долгую ночь.

Скрипя кожаными ремнями, вошёл Лукаш – в чёрной эсэсовской форме, слегка смущённый и неуверенный, будто готовый к очередной показательной выволочке, которая и не заставила себя долго ждать.

– Как же так, герр Пушениг? – горестно воскликнула девушка. – Вы же обещали мне – внимательно присматривать за сеньором Рамосом, заботиться о его пошатнувшемся здоровье. Ведь обещали?

– Да я... Я ведь и присматривал..., – испуганно забубнил оберштурмбанфюрер, приветственно подмигивая Денису, игравшему роль недавно ожившей египетской мумии – с узенькими щёлками-глазами и длинным носом, сиротливо торчащим из белоснежного кокона бинтов.

Анхен, вне себя от праведного гнева, вскочила со стула, и,

картинно уперев руки в бока, перешла в незамедлительное наступление:

– Присматривали? Безобразная попойка – это, называется, «присматривали»? У дона Оскара организм ослаблен сильным пищевым отравлением, на лицо первые явственные признаки цинги. А вы? Чем его кормили на вчерашней вечеринке? Недожаренной жирной оленятиной? Жирнящей тресковой печению? А, алкоголь? Ему же сейчас нельзя пить ничего крепче светлого пива! Да и то, не больше одной кружки в сутки! Что это вы отвернулись в сторону? Стыдно стало? Всё, беру судьбу и здоровье сеньора Рамоса в свои руки! Говорят, у вас здесь есть небольшой природный «санаторий»? На острове под милым названием «Змеиный»? Расскажите мне про это место!

Лукаш Пушениг был откровенно рад представившейся возможности заработать у строгой врачихи прощение, поэтому стал докладывать очень подробно и доходчиво, будто бы отвечая на вопросы важного и заслуженного генерала:

– Змеиный – самый южный остров архипелага. Там установился свой собственный микроклимат. Из земли повсеместно бьют серные горячие гейзеры, есть и целебные минеральные источники самого различного состава. До войны там располагалась английская научная база, с тех пор там осталось несколько сборно-щитовых домиков – со всеми элементарными удобствами. Вот. Иногда, чаще всего летом, мы отправляем туда для поправки здоровья команды слабосиль-

ных солдат, заболевших офицеров. Но сейчас там никого нет. Не сезон.

– Далеко от Лонггира до этого острова?

– Совсем нет, четыре часа хода на моторной лодке. Если, конечно, нет сильного тумана.

– На лодке – по морю? А это не опасно?

Пушениг смущённо почесал в затылке:

– Извините, доктор, я ведь человек сухопутный – до мозга костей. Это не просто лодки, а очень большие лодки. . . . Морские ребята их иногда баркасами называют, иногда – мотоботами. Попробуй, разберись. . .

Анхен, словно о чём-то усиленно раздумывая, заходила по палате туда сюда, а оберштурмбанфюрер обеспокоено наблюдал за этими её манёврами, ожидая очередной неприятности. Денис же продолжал безвольно пялиться в белый потолок.

– Вот что мы сделаем! – объявила, наконец, юная красавица, облачённая в медицинский халат, плотно обтягивающий её ладную фигурку. – Через некоторое время дон Оскар пойдёт на поправку и сможет самостоятельно ходить. Вот тогда, герр оберштурмбанфюрер, вы и выделите нам с сеньором – представителем доблестного генерала Франко – такую «моторную лодку». Я заранее соберу всё необходимое, доставлю больного в этот ваш «санаторий» с серными гейзерами и минеральными источниками, лично за три недели подниму больного на ноги. Ради такого случая возьму в Управлении

очередной отпуск, уже два года не отдыхала толком.... Дайте вы нам хорошую, очень большую лодку – с надёжным, очень большим мотором?

– Конечно же, дам, дорогая фройляйн! – горячо заверил Пушениг девушку. – И со сборами помогу, продовольствие необходимое выделю, и двух надёжных охранников представлю...

– А вот последнего – не надо! – неожиданно заволновалась Анхен.

– Почему же?

Бойкая докторша неожиданно засмушалась, густо покраснела и уставилась в пол, нервно крутя верхнюю пуговицу своего халата.

– Видите ли, герр оберштурмбанфюрер.... Даже не знаю, как вам объяснить... Дело в том, что сеньор Оскар Рамос сделал мне предложение, – продемонстрировала Пушенигу свою изящную правую ладошку с тоненьким золотым колечком на безымянном пальце. – И я, тщательно взвесив все «за» и все «против», данное предложение приняла.... С сегодняшнего дня мы с сеньором помолвлены!

От неожиданности Денис даже закашлялся, мысленно возмущаясь: – «Ну, надо же предупреждать, чёрт побери! Тоже мне, артистка больших и малых сцен! И колечко, комедиантка, припасла...».

Дождавшись, когда Денис откашляется, оберштурмбанфюрер встал, браво щёлкнул каблуками и склонился в цере-

монном полупоклоне:

– Примите мои самые искренние поздравления, сеньор Рамос! И вы, фройляйн Мюллер! Очень рад за вас и всё такое.... Офицеры гарнизона, без сомнения, незамедлительно подготовят свои скромные подарки. Но, всё же, мне будет спокойнее, если двое моих людей будут сопровождать вас в этом романтическом путешествии...

– Милый, милый Лукаш! – на прекрасных глазах девушки навернулись крупные слёзы. – Как же вы не понимаете? Ведь это будет не просто – романтический вояж.... Это будет наше с сеньором свадебное путешествие. Понимаете? Свадебное путешествие! Мы не намерены ждать окончания всех этих глупых и формальных процедур.... Зачем же нам эти два любопытных дуболома? Избавьте, право...

Все последующие за этим шесть дней Денис без усталости принимал десятки поздравлений и сотни дружеских шуточных советов, а уважаемая фройляйн Анхен была завалена цветами, правда, сугубо геранью и фикусами в горшках. Где же на Шпицбергене во второй декаде апреля достать розы, тюльпаны и гвоздики?

Их отплытие также сопровождалось приличным ажиотажем: порядка сорока офицеров гарнизона – в сопровождении своих серьёзных жён и легкомысленных подруг – столпились ранним апрельским утром на узком молу причала, крича всякую поздравительную чушь. Пришлось даже – для

полной достоверности происходящего – несколько раз крепко поцеловать предполагаемую невесту на глазах почтеннейшей публики. Целовалась Анхен совершенно неумело, но очень самозабвенно, Денис даже разволновался немного...

Отзвучали выстрелы из бутылок с французским шампанским, были сказаны все тосты и напутствия, уверенно затарахтел мощный двадцатисильный подвесной мотор, приземистый одномачтовый баркас, щедро нагруженный разнообразным грузом, шустро побежал по спокойным серым водам фьорда.

Естественно, остров Змеиный с его горячими гейзерами и целебной минеральной водой был здесь совершенно не причём. Через два с половиной часа они вышли из фьорда в открытое море, и пошли на север – вдоль низкого берега острова Медвежий. Идти здесь было уже гораздо труднее: боковые злбные волны настойчиво бились в правый борт, пытаюсь направить баркас прямо на чёрные береговые скалы, рука, держащая руль, немела через каждые десять минут, требуя отдыха и замены...

Уже под вечер, использовав треть запаса бензина, они пристали к берегу в устье бывшей Синей «реки». Денис тщательно закрепил лодку к прибрежным камням и метнул вверх стальной якорь-кошку с привязанным к кольцу прочным тросом. Якорь с первой же попытки прочно зацепился наверху за что-то невидимое.

Денис за полторы минуты ловко вскарабкался на крутой

пятиметровый обрыв, достал из кармана верёвочную лестницу, придавил её верхнюю планку двумя надёжными валунами, сбросил основное тело лестницы вниз. Со звонким треском лестница развернулась, вскоре запыхавшаяся Анхен, одетая на этот раз в штаны спортивного покроя, походную брезентовую куртку и высокие армейские ботинки на толстой подошве, показалась из-за края обрыва.

– Как красиво! – восторженно сообщила напарница, оглядываясь по сторонам, и тут же громко взвизгнула: – Ой, Оскар! Тут же белые медведи! Они же нас сейчас слопают!

Действительно, метрах в пятидесяти-шестидесяти от них расположились два молодых белых медведя, похожих друг на друга – как две капли воды. Впрочем, животные вели себя очень мирно и дружелюбно: смешно и приветливо поводили чёрными кожаными носами из стороны в сторону, негромко урчали что-то мягкое и успокаивающее.

У Дениса с белыми медведями за девять месяцев его странствий по горам и долинам Шпицбергена сложились очень странные отношения: он с первой встречи сразу понял, что эти звери ему совершенно не опасны, медведи же, со своей стороны, всегда демонстративно выражали своё дружелюбие, а, иногда, и подобострастие. Денис знал – на уровне шестого чувства – что происходит всё это благодаря маленькой халцедоновой фигурке медвежонка, которую он всегда носил с собой. Непростая такая фигурка, вырезанная очень много лет назад алтайским шаманом Агафоном...

Только один раз произошёл неприятный сбой. Сразу стало понятно, что бредущий ему навстречу белый медведь был *другим*: какой-то очень уж длинный и худой, шерсть – почти жёлтая, голова – непривычно маленькая, зверь рычал утробно и как-то «не так». Что ж, бывает, что и среди людей индивидуумы встречаются – не приведи Бог. Не признающие никаких законов и правил. . . . Денис тогда без колебаний и раздумий вытащил из другого кармана своей куртки чёрный базальтовый свисток, подаренный ему несколько лет назад сослуживцем Ником Ивановым (Никита нашёл эту необычную штуковину в каком-то древнем карибском подземелье), дунул. Сложилось устойчивое впечатление, что странный медведь словно бы «пришёл в себя»: встал на задние лапы, начал кланяться, словно извиняясь за что-то, потом развернулся на сто восемьдесят градусов и поспешно затрусил прочь.

Вот и эти медведи были совершенно не опасны. Но Денис знал, что до конца ему Анхен не поверит и будет сильно нервничать. Поэтому он достал из кармана чёрный свисток и с неохотой дунул в него – совсем и несильно. Приветливые мишки тут же заметно вздрогнули, будто бы получили по хорошей затрещине, и, постоянно оглядываясь и обиженно ворча, ушли вверх по Синей долине.

Денис несколько раз по верёвочной лестнице спустился-поднялся в лодку и обратно, вытащил на берег необходимые для ночёвки вещи, из сухого кустарника и мха развёл яркий костёр, и, поручив Анхен приготовить ужин, разбил

под замшелым выступом древней скалы просторную брезентовую палатку.

Он молчал, размышляя о деталях предстоящей операции, Анхен тоже была непривычно тиха и задумчива.

Только в самом конце скромного ужина, прихлёбывая из белой эмалированной кружки, украшенной чёрной свастикой, крепкий чай, девушка очнулась от своих дум и нерешительно спросила:

– Мы что же, будем спать в одной палатке?

– В одной, – невозмутимо подтвердил Денис. – Только в разных спальных мешках. А ещё между нами будут лежать раскалённые камни.

– Это как? – недоверчиво поинтересовалась Анхен.

Денис, молча, пододвинул к догорающему костру ведро из матовой нержавеющей стали, специальной железной лопаткой вынул из загадочно мерцавших углей несколько разогретых до красна камней, сложил их в ведро. После этого он – на пол палатки, между двумя спальными мешками – положил большой плоский камень, на который водрузил пышущую жаром посудину и объявил:

– Приглашаю вас ко сну, милая фройляйн Мюллер!

Уже сквозь сон Анхен едва слышно проворковала:

– Спокойной ночи, дорогой жених!

Показалось, или в её голосе действительно прозвучали нотки сожаления?

После завтрака они пошли на разведку. Середина Синей долины, через которую многие века протекал могучий ледник, была идеально гладкой и ровной. Пройдя по долине метров пятьсот, Денис достал из кармана рюкзака уровень, приложил его к горизонтальной поверхности. Вскоре крохотный пузырьёк воздуха в приборе замер ровно на середине шкалы. Денис удовлетворённо кивнул головой и указал рукой на правый скалистый склон долины:

– Это они и есть, наши карстовые пещеры. Подземные воды растворили горные породы, содержащие гипс, вот и образовались всякие выемки и ниши.

В склоне насчитывалось порядка двадцати нешироких рваных дыр. Денис зажёл специальный армейский факел, негаснувший на ветру, протиснулся в крайнее отверстие. Нормальное помещение: метров пятнадцать квадратных, не считая узких боковых ответвлений, непригодных для движения, да и высота была комфортной – больше двух с половиной метров.

– Подойдёт! – решил он.

– А почему именно эта пещера? – поинтересовалась Анхен.

– Потому, что крайняя. Её исчезновение не будет глаз резать, да и маскировать заложенный выход легче.... Ладно, отставить все разговоры! Сейчас всё необходимое притащим сюда и будем меня старательно замуровывать...

За три часа они перетащили и сложили в выбранной ка-

верне двадцатидневный запас продовольствия, канистры с водой и сладким чаем, кинокамеру, фотоаппарат, оружие (браунинг и карабин), патроны, несколько гранат, прочее – по мелочам.

– До трёх четвертей по высоте вход заложим вместе, замаскируем. Потом я перелезу внутрь, а вы, Анхен, всё до конца доделаете сами, замаскируете, приберётесь, – сообщил Денис.

– Как, прямо сейчас? – опешила девушка. – Я думала...

– Что же вы думали?

– Ну, не знаю.... А почему – сегодня? Почему – не завтра?

– Анхен, мы же с вами уже говорили про это, – он старался быть максимально мягким и терпеливым. – Если интересующий транспорт прибудет сюда через неделю, то разведчики могут объявиться в любой момент.... По логике – дня через три, но могут и раньше. Поэтому, давайте покончим с лирическими отступлениями, как вы сами любите выражаться, и приступим непосредственно к делу...

Денис из соседней каверны наташил целую гору обломков гипса, стал умело выкладывать из них ровную стену, замуровывая проём. Анхен внимательно наблюдала за его действиями.

– Выбираем наиболее ровные и крупные куски гипса, – дотошно инструктировал он свою напарницу. – Из этой бутлы на очередной камень наносим маленькую каплю специального клея, вставляем в кладку. Будьте очень вниматель-

ны и аккуратны, клей схватывается намертво всего за две с половиной секунды...

Работа спорилась, через два часа вход в каверну был заложен на три четверти. Денис надёргал мха и лишайника со склона долины, с помощью того же клея дотошно закрепил части этих растений на свежевыложенной стене.

– А теперь, Анхен, я перелезу внутрь, дальше вам придётся поработать самостоятельно. Будьте внимательны: правую половину оставшегося проёма закладывайте без клея, я для этого сложил в эту отдельную кучку наиболее ровные камни.... Как зачем? Мне же из этого убежища ещё и выбраться предстоит, я же не экстрасенс какой, чтобы на расстоянии организовывать катастрофы летательных аппаратов.... Да, вот ещё. Здесь и здесь плитки гипса также кладите без клея, это будут мои смотровые окошки. Потом всю стену обклейте мхом и лишайниками. Только не абы как, а с максимальным натуралистическим эффектом.... Потом прибегитесь тут тщательно. Только, прошу, очень тщательно, без халтуры. Всё понятно?

– Всё, – заверила его Анхен тусклым и бесцветным голосом и вдруг неожиданно перешла на «ты»: – Оскар, а ты хорошо всё продумал? Ты точно останешься в живых? Это же очень опасно!

– Опасно, конечно, – он легкомысленно передёрнул плечами. – Жизнь, вообще, очень опасная штука.... Ладно, бросаем заниматься ерундой! Действуем строго по плану: сей-

час ты меня замуровываешь, садишься в лодку и отчаливаешь на Змеиный остров. Верёвочную лестницу и шнур с якорем-кошкой придётся заранее убрать, так что спускаться в лодку будешь по обрыву. Если не получится спуститься – прыгай в воду, пять метров не такая уж страшная высота.... Ага, вот ещё. Возьми этот свисток. Если появятся белые медведи, то подууй в него, мишки и убегут.... Ну, вот и всё, я полез. Ровно через девятнадцать суток жду тебя на берегу. Если кто-нибудь из немцев за это время пожалует на Змеиный, то объяснишь им, мол, я ушёл на охоту...

В кладку был уложен последний камень, ещё минут тридцать пять девушка потратила на маскировку и уборку местности. Вот в смотровом отверстии показался печальный карий глаз, в уголке которого блестела крохотная слезинка.

– Удачи тебе, Оскар! – чуть слышно прошептала Анхен. – До встречи, ауффидерзейн...

Время ползло дряхлой, очень усталой черепахой. Ночь. День. Тишина. Снова – ночь.... Только на третьи сутки после своего добровольного заточения в подземной каверне Денис уловил еле слышный шум снаружи и осторожно вытащил из кладки нужный камень, открывая смотровое окошко.

По ущелья двигалось порядка тридцати немецких солдат, одетых в тёмно зелёную полевую форму, с короткими автоматами наперевес. Следом за солдатами, отстав от них метров на семьдесят, неторопливо вышагали три офицера в чёр-

ной эсэсовской форме.

– Вот оно и начинается, театральное представление, – шепнул себе под нос Денис...

На следующее утро Синее ущелье заполнилось военными саперами, бодро засновали туда сюда грузовики, перевозя к будущей стартовой площадке различные грузы: пузатые бочки с горючим, различные железные конструкции, ящики с крепежом, большие катушки с разноцветными проводами разных сечений...

Денис уже слегка подустал от долгого сидения в замкнутом пространстве, да и мёрз сильно по ночам, но смотреть на всё это было очень интересно: не каждый день становишься свидетелем таких эпохальных событий.

Его укрытие располагалось очень удобно – почти напротив предполагаемой стартовой площадки. Хотя, это было и достаточно опасным: в первый же день автоматчики самым тщательным образом обследовали все подземные каверны, двое из них прошли совсем рядом, для поддержки равновесия опираясь руками на искусственную стену. Денис замер, вжавшись в шершавый камень, и на две минуты задержал дыхание. Ничего, пронесло на этот раз...

На четвёртые сутки после начала строительства военные сапёры закончили возведение узкоколейки: от моря – к месту предполагаемого старта. Где же она – летающая «тарелка»?

Вдали показался небольшой механизм (неужели – тепло-

воз?), тащивший за собой по рельсам платформу со светлым плоским диском, диаметр которого превышал десять метров. Проехав чуть дальше укрытия Дениса, состав остановился, сапёры засуетились вокруг, готовясь с помощью различных лебёдок и тяг опустить летательный аппарат на заранее смонтированную низенькую металлическую площадку. Теперь чудо-технику, до которой было не более пятидесяти метров, можно было осмотреть подробно.

Тускло-серебристая «тарелка» представляла собой широкое кольцо, которое, очевидно, должно было вращаться вокруг неподвижной куполообразной кабины. Ему хорошо было видно, что кольцо состояло из дискообразных лопастей, расположенных по спирали.

До самого заката вокруг аппарата суетились люди: рядовые сапёры и хмурые автоматчики, бравые офицеры СС и несколько штатских личностей, одетых как буржуа средней руки. Вокруг стоял такой шум, что Денис успел вволю пожужжать кинокамерой и от души пощёлкать фотоаппаратом.

Часам к одиннадцати вечера заметно стемнело: Полярный День не успел ещё окончательно вступить в свои права, да и высокие скалы, нависающие над ущельем, очень хорошо способствовали светомаскировке. Все многочисленные военные и штатские личности, снующие весь день напролёт вокруг летающего диска, удалились в сторону моря, оставив около секретного аппарата четверых часовых, выставленных по квадрату.

«Пора действовать», – решил Денис. – «Не иначе, у них на рассвете намечен старт, можно и опоздать...».

Он вставил в отверстие своего смотрового окошка дуло «газового миномёта» (изобретение капитана НКВД Леоновой Татьяны, его собственной жены), расположил механизм под нужным углом, выставил на шкале силу необходимого пневматического толчка.

Этот вид оружия практически бесшумно стрелял тонкими стеклянными капсулами, заполненными разными хитрыми газами, а по всем бумагам проходил как газовый анализатор для определения наличия метана в подземных выработках. У людей оберштурмбанфюрера Лукаша Пушенига данный прибор никаких подозрений не вызвал и был беспрепятственно пропущен на славную землю Шпицбергена.

На этот раз Денис выбрал капсулы с усыпляющим газом достаточно слабой концентрации, вдохнув его, человек засыпал всего лишь на пятнадцать минут. Большой срок был уже опасен: не дай Бог, кто-нибудь из бдительных офицеров решит проверить порядок несения караульной службы...

Чуть слышно клацнул пневматический затвор, капсула встала на донце поршня, Денис мягко потянул за спусковой курок. Бесцветный цилиндрик взметнулся вверх, бесшумно пролетел по крутой параболе и коснулся поверхности куполообразной кабины летающей «тарелки».

Раздался тоненький звон, будто кто-то сильно щёлкнул

ногтем пальца по фужеру богемского стекла, от кабины аппарата во все стороны побежали белёсые волны, ближайший часовой тут же обернулся на непонятный звук и вскинул дуло автомата вверх...

Глава третья

Тарелка над Шпицбергеном и дочка Берии

Если бы испуганный солдатик начал стрелять, то всё полетело бы в тартарары: незамедлительно поднялась бы тревога, набежало бы немислимое количество старательных автоматчиков, палящих на каждый шорох в низеньких кустах. Тогда пришлось бы открывать по летательному аппарату прицельный огонь из карабина, пользуясь всё тем же узким смотровым окошком. Разобрать правый верхний угол стены и воспользоваться гранатами уже, просто-напросто, не дали бы...

Слава Богу, сонный газ не подвёл и, действительно, оказался мгновенного действия: двое часовых, видимые Денису, тут же плавно присели на корточки и смешно соскользнули на землю, используя свои грозные автоматы в качестве мягких подушек. Судя по характерным звукам, и их коллег, несших вахту по другую сторону «тарелки», постигла та же участь.

Денис за две минуты разобрал правый верхний угол кладки, аккуратно складывая вынутые камни внутри каверны, ловко выбрался наружу и, что было сил, припустил к серебряному диску, тускло отсвечивающему в лиловых сумерках...

План был простой до очевидности: закрепить на невидимых глазом поверхностях «тарелки» термовзрывчатку. Эта такая хитрая штука, внешне напоминающая обычный пластилин, изобретённая несколько лет тому назад ушлыми американцами. Щедрый капитан Галкин оставил Денису целых два вида этого полезного продукта. «Пластилин» первого вида производил мощный взрыв, когда температура окружающего воздуха менялась на пять градусов по Цельсию менее чем за минуту. Второй же вид взрывался только тогда, когда температура за три минуты менялась больше, чем на десять-одиннадцать градусов.

Казалось, что ничего хитрого здесь и нет: прикрепляй взрывчатку к внутренним поверхностям широких дискообразных лопастей, из которых состояло наружное кольцо летательного аппарата. Даже Денису, который по физике всегда получал только тройки с минусами, было понятно, что при взлёте диска из-под этих лопастей пойдёт очень горячий воздух, образуемый при сгорании топлива.

Но этот вариант не являлся безупречным и козырным: во-первых, взрыв летательного аппарата на земле гораздо менее эффектен, чем, врыв аналогичного объекта высоко в небе, а во-вторых, ещё хотелось и немного пожить... По сведениям из Москвы, озвученных Анхен, на борту «тарелки» должно было находиться несколько мощных бомб, предназначенных для сброса на северные необитаемые острова архипелага. Следовательно, при взрыве этого симпатичного туск-

ло-серебристого диска – рванёт и весь боекомплект, имеющийся на борту.... А расстояние между «тарелкой» и камерной, где он прятался, не превышало пятидесяти метров. Опасное это дело, а искусственно возведённая стена из гипса, явно, не являлась надёжной защитой...

Денис в потёмках старательно и планомерно ощупывал руками странный немецкий агрегат: он хотел найти трубы, по которым должен был перемещаться воздух, захватываемый из атмосферы. Не могло быть такого, чтобы у этой сложной конструкции не было предусмотрено надёжной системы охлаждения.

«Так, этот тонкий патрубок – вход для засасывания холодного воздуха из окружающей атмосферы. А это что? Тоже патрубок, только гораздо большего диаметра, более толстый, армированный с двух сторон частым проволочным покрытием.... Если строить логическую цепочку, то вырисовывается следующая картинка: при штатной работе двигателя аппарата функционирует обычная система охлаждения, при форсированных режимах – усиленная. Всё это достаточно логично.... Только вот, что для этого аппарата является штатным режимом, а что – форсажем? Допустим, что «тарелка» взлетает при режиме форсажа, зависает на секунду-другую над землёй и отправляется по намеченному маршруту.... Ага, тут уже начинает работать штатная система охлаждения, то есть, из её «выходных» труб начинает выбрасываться горячий воздух...».

Он присел на корточки, наугад провёл правой рукой по дну наружного колеса. Так и есть, вот они – ответные патрубки, откуда и должен был выводиться горячий отработанный воздух.

«Одна труба – малого диаметра и тонкая в сечении, другая – большего диаметра, тщательно армированная. Ну, а теория-то – правильная? Или как? Кто бы знал ответ на данный каверзный вопрос...», – Денис задумчиво почесал правое ухо.

Времени на дальнейшие раздумья и логические построения уже не было. Он щедро размазал взрывчатку обоих видов по внутренностям тонкого патрубка. Прошёл немного вдоль борта «тарелки», нащупал рукой ещё два аналогичных патрубка, снова «пропластилинил» только тонкий, прошёл дальше...

Один из спящих автоматчиков, лежащий у северо-восточного угла стартовой площадки, нетерпеливо заворочался и несколько раз громко и нетактично испортил воздух. Надо было торопиться...

Перед тем, как метнуться к укрытию, Денис, не глядя, сорвал с ближайшего гранитного валуна пучок лишайника и запихал его под ближайшую лопасть наружного кольца аппарата. Зачем? Да так, чисто русский вариант...

Он за шесть-семь секунд – несколькими широченными прыжками – преодолел расстояние, отделяющее его от тай-

ной ниши, напряг мускулы, чтобы красиво и эффектно нырнуть «щучкой» в разобранный верхний проём, но в последний момент остановился: – «Понты, конечно, вещь полезная и достойная во всех отношениях, но и взрослеть, всё же, пора...».

Денис спокойно перелез через гипсовую кладку, сбросил куртку и футболку, принялся быстро, но, максимально соблюдая при этом внимательность и аккуратность, закладывать проём в стене. Необходимо было, чтобы вся приклеенная к камням маскировочная «ботаника» не повредилась и выглядела естественно – даже при дневном свете...

Сколько эта завершающая фаза операции заняла времени? Две минуты, три, пять? Он не знал, да и знать не хотел. Главное было – просто успеть.... Или – не успеть? Похоже, всё-таки умудрился не опозориться: последний камень, чуть слышно клацнув, чётко встал на нужное место, а снаружи всё было тихо...

Тихо, это в том смысле, что не стреляли. А так-то было очень даже и шумно: громкий «чих» разносился на всю Синюю долину. Ничего не поделаешь, побочный эффект воздействия сонного газа на человеческий организм, Таня предупреждала...

«Вот он и наступил – хренов Момент Истины!», – тревожной чередой потекли в голове обрывочные мысли. – «Сейчас сбежится целая куча народу, устроят настоящее светопредставление.... В том плане, что зажгут все осветительные

приборы, имеющиеся в наличии, прочешут всю округу в радиусе двух-трёх километров, и только потом допросят громко чихавших в течение пяти минут автоматчиков – на предмет выявления причины их «чиха». Азбука охранных служб: причина поднятой тревоги неважна, важно, что есть веский повод для проведения дополнительных мероприятий, многократно отработанных на ученьях и тренингах...».

Всё произошло, как он и предполагал: где-то на берегу тоненько и надсадно завывла сирена, раздался громкий перестук спешащих куда-то каучуковых каблучков, подбитых стальными подковками, кто-то нервный сдуру даже запустил куда-то вверх пару коротких очередей. А вот это было совсем кстати! Вверху-то – скалы, а на скалах разгуливали бдительные патрули, оберегающие летательный аппарат от внешнего врага.... Тут такая заварушка с перестрелкой могла начаться – мама не горюй!

Однако нужного продолжения не последовало. Размеренно и уверенно забубнил громкоговоритель, отдававший скупые краткие приказы, буквально через три минуты паника была ликвидирована, процесс вошёл в правильное рабочее русло. Аппарат был тщательно освещён со всех сторон, несколько заспанных техников принялись изучать сохранность проводов и клемм, два офицера в чёрной эсэсовской форме принялись жёстко допрашивать неожиданно зачихавших часовых.

Денису, безбоязненно закурившему – по случаю такого

шумного циркового представления – крепчайшую сигарету «Каро», было далеко не всё слышно. Но главное он понял: часовые утверждали, что бдили неустанно, а чихать начали потому, что ветер неожиданно принёс с моря сильный запах гниющих водорослей....

Всё складывалось совсем неплохо. Через час основная масса служивого народа опять проследовала к морскому транспорту, только около летательного диска осталось около пятнадцати автоматчиков – в сопровождении пяти офицеров в чёрной форме. Да и светло стало вокруг – словно днём: более ста долгоиграющих армейских факелов ярко освещали всю Синюю долину. Было очень похоже, что после недавней тревоги немцы решили про конспирацию забыть напрочь.

«Оно и правильно!», – искренне одобрил Денис эти действия противника, уплетая за обе щёки толстую консервированную баварскую колбаску, уложенную поверх жёсткой соевой галеты. – «Только вот, ребятишки, оно поздновато будет. Скорый поезд – «Шпицберген – Неизвестность» – уже отходит от дальнего перрона...».

Это странное ночное происшествие, по-видимому, внесло свои коррективы в график проведения испытаний. С самого раннего утра техники ещё несколько часов усердно провозились возле аппарата, проверяя и перепроверя правильность и надёжной соединений всевозможных разъёмов, осторожно дергая за оплетённые блестящей проволокой толстые прово-

да и за разноцветные тоненькие проводки.

Наконец, на обычной дрезине подвезли три бомбы.

Солидные такие бомбы, визуально – килограмм по сорок-сорок пять каждая, выкрашенные в светло-болотный цвет, с чёрной свастикой в коричневых кружках. Двое штатских скинули пижонские чёрные сюртуки, закатали рукава белоснежных рубашек и аккуратно, двигаясь медленно и плавно, словно стараясь совсем не дышать, закрепили бомбы – одну за другой – под днищем «тарелки».

Солдаты подкатили три светло-зелёных бочки с топливом, чёрными шлангами, проходящими через ручные поршневые насосы, соединили бочки с испытуемым диском, дружно задёргали за длинные рычаги насосов, сильно запахло какой-то неаппетитной химией...

Похоже, всё уже было готово к началу проведения испытаний: военные и штатские скрылись из поля зрения Дениса, рассредоточившись по Синей долине в ту и другую стороны. Перед тускло-серебристым диском остались стоять только два представительных господина.

Один из них – одетый в полувоенный френч – невысокий, плотный, с кривым шрамом на щеке, показался смутно знакомым.

«Кто же это, кто?» – недоумевал Денис, торопливо роясь в закромах своей памяти. – «Господи, это же Мартин Борман, рейхсканцлер НСДАП! То есть, начальник партийной канцелярии, что, практически, одно и то же. Вот оно даже как!».

Второй человек был гораздо моложе – высокий, худой, белобрысый, в шляпе, на ладони правой руки незнакомца не хватало мизинца. Но удивительнее было другое: в левой руке белобрысый сжимал древко маленького аргентинского флага.

«Совершенно ничего не понимаю!», – подумалось. – «Причём здесь, спрашивается, Аргентина?».

Борман достал из внутреннего кармана пиджака крохотную чёрную коробочку, навёл непонятный прибор на «тарелку», нажал на невидимую кнопку. Медленно откинулась в сторону полусфера кабины аппарата, рейхсканцлер нетерпеливо замахал рукой.

«Ага, пилота зовёт!» – догадался Денис.

К летательному аппарату торопливо подбежал низенький и очень худой человечек в серебристом комбинезоне, вытянулся в струнку. Борман по-отечески потрепал его по щеке, сказал несколько напутственных слов, повелительно кивнул головой в сторону «тарелки». Человечек надел на лицо нечто, очень сильно напоминавшее кислородную маску, подбежал к диску, ловко забрался в кабину, вскинул вверх правую руку – в фашистском приветствии.

Рейхсканцлер снова нажал на кнопку, полусфера кабины вернулась на прежнее место. Ещё одна манипуляция с чёрной коробочкой, едва слышимые щелчки, и вот...

Раздалось сильное шипение. Диск приподнялся на полтора метра над землёй, словно бы опираясь на три огненных

столба, вырывающихся из отверстий в дне аппарата. Наружное кольцо «тарелки» начало быстро вращаться вокруг центральной оси, постоянно ускоряясь и разбрасывая во все стороны яркие светло-голубые искры. Незнакомый резкий запах распространился по всей округе, Денис даже был вынужден спрятать нос в рукав брезентовой куртки. Аппарат начал медленно подниматься. На высоте около ста пятидесяти метров он – на бесконечно-долгие тридцать секунд – завис над пусковой площадкой, после чего резко устремился вверх и в сторону, исчезнув из вида...

Синяя долина мгновенно ожила, со всех сторон послышались восторженные крики, раздались громкие аплодисменты. Мимо укрытия Дениса засновали в противоположных направлениях радостные люди: рядовые сапёры в тёмно-зелёной форме, техники, скупно улыбающиеся офицеры СС. Штатские же господа дружной группкой собрались рядом с пусковой площадкой, открыли одну бутылку с шампанским, вторую...

Денис замер у смотрового окошка, внимательно и напряжённо вглядываясь в происходящее.

Получится или нет? Всё ли он рассчитал правильно?

Время приостановило свой неумолимый бег, каждая секунда казалась бесконечной...

Вдруг, что-то незримо изменилось: один из штатских резко задрал голову вверх, словно прислушиваясь к чему-то важному, второй господин аккуратно поставил бокал с шам-

панским на землю и припустил куда-то бодрой трусцой, Синяя долина снова наполнилась тревожными звуками громкой сирены.

Вон он и прилетел, долгожданный, едва слышимый раскат грома. Через минуту гром повторился, но уже гораздо громче, с долгими и изысканными переливами, тут же подхваченными чутким северным эхом...

«Вот и всё», – отрешённо подумал Денис. – «Игра сыграна до конца... Впрочем, сильно расслабляться не стоит: по завершению этой партии неминуемо начнётся следующая...».

Надо отдать немцам должное, во фрустрацию: – «Всё пропало! Всё пропало!», – никто из них не впал, особой паники также не наблюдалось, все дружно приступили к уничтожению следов проведения этого неудачно завершившегося испытания. Очевидно, план эвакуации был един для любого полученного результата: работы велись размеренно, слаженно, без суеты и спешки.

«Да, в хладнокровии и любви к порядку немцам не откажешь», – резюмировал Денис. – «У нас так никогда не получится, эмоции всё равно будут выплёскиваться наружу, бить через край, влияя на качество работ. Русскому человеку при плохом настроении напортачить где-нибудь – раз плюнуть. А эти – как будто ничего и не произошло. Только металла добавилось в офицерские голоса, команды стали резче и чётче отдаваться, не более...».

Через сутки всё окончательно завершилось, немцы в полном составе покинули Синее ущелье, а предзакатную тишину нарушил хриплый парходный гудок.

Ушли?

На всякий случай он решил отложить до утра своё возвращение в Большой Мир: бережёного, как известно, Бог бережёт...

Пришёл долгожданный рассвет, скупые солнечные лучи осветили буро-пегие камни Синей долины, весело зачирикали неугомонные полярные воробьи.

«Похоже, всё спокойно. Можно выбираться», – решил Денис и ребром ладони сильно ударил по правому верхнему углу гипсовой кладки. Часть стены послушно, с громким грохотом, обрушилась наружу. Свежий воздух, нестерпимо пахнувший морем, заполнил собой всё вокруг, окончательно вытесняя из горной каверны противную затхлость.

– Свобода! Да здравствует – свобода!

Из сухих веток кустарника он развёл невысокий жаркий костёр, вскипятил воды в походном котелке, заварил крепкий свежий чай. Жизнь снова казалась прекрасной и удивительной – вопреки суровой и неприветливой действительности.

А вот что делать дальше? Денис занялся математическими расчётами: – «Милая Анхен должна приплыть на двадцатые сутки после моего добровольного заключения в каверну.

Сколько уже прошло времени? Первые сапёры появились на третьи сутки. Ещё четверо суток они строили железную дорогу. Или – пять? Вот же, чёрт побери, уже и не вспомнить! Потом собственно испытание – ещё сутки. Что там у нас получается?».

Хоть так, хоть сяк, но непреложно получалось, что ему ещё около десяти суток предстояло провести в этой уже достаточно поднадоевшей долине. Хотя, и совсем необязательно – в самой Сине́й долине. Можно было немного полазить и по ближайшим окрестностям, поохотится, рыбку половить, вволю отдохнуть на природе...

Основную часть вещей и припасов Денис оставил в каверне, тщательно восстановил гипсовую стену – в качестве надёжной защиты от песцов, леммингов и белых медведей. В рюкзак он сложил пятидневный запас продовольствия, котелок, крохотную палатку, спальный мешок, несколько картонных коробочек с патронами, две гранаты, браунинг, тщательно завёрнутый во фланелевую тряпицу, эмалированную кружку, ложку, перочинный швейцарский универсальный нож. Забросил рюкзак за спину, через шею перебросил ремешок карабина и широкими шагами направился по Сине́й долине к морскому побережью...

Следов недавнего пребывания немецкой экспедиции в долине с первого взгляда не наблюдалось. Впрочем, если искать тщательно и целенаправленно, то всегда можно что-ни-

будь отыскать, хотя бы по мелочам. Вон несколько чётких отпечатков стандартных армейских сапог со смешными подковками на каблуках, а вот пуговица от офицерского мундира закатилась за кустик голубики... Да и на морском берегу – на мягкой бурой земле – остались глубокие выбоины от брусков сходней, переброшенных с борта большого судна. Но это – сущие пустяки. Через месяц с небольшим начнутся регулярные скучные дожди, которые, как известно, смывают все – даже самые крохотные – следы и следочки...

Вдоль кромки морского берега Денис забрался на рваные скалы, нависавшие с запада над Синею долиной, огляделся по сторонам.

Вид открывался просто сказочный: морская безграничная голубоватая даль, местами тонущая в плотной туманной дымке, многочисленные фьорды, прихотливо взрезающие побережье Медвежьего острова, птичьи базары, светлыми и пёстрыми островками густо покрывающие чёрные скалы...

На минуту-другую Денис задумался, выбирая направление предстоящего маршрута. Для начала он хотел разжиться полноценным куском свежего мяса: уже до чёртиков надоедо питаться консервированными продуктами.

Можно было, конечно же, выйти по скалам на широкое горное плато, покрытое зелёными мхами, и подстрелить там северного оленя. Или, если немного повезёт, горного барана, седло которого на Шпицбергене считалось изыскан-

ным деликатесом.... Но губить взрослое животное ради одного-двух кусков мяса? Сколько он один сможет съесть? Нечестно это, если вдуматься.... Поэтому Денис решил ограничиться обычным белым гусём. В это время года полярные гуси очень вкусны, это по осени они разжируют до неприличия, а их мясо станет жёстким, будет неаппетитно отдавать рыбой и водорослями. Он осторожно спустился со скал и прогулочным шагом пошёл вдоль берега – к ближайшему птичьему базару, меланхолично вслушиваясь в светлую мелодию морского прибоя...

Сзади раздался негромкий щелчок, в котором любое опытное ухо сразу же распознает звук, сопровождаемый перевод пистолетного предохранителя в боевое положение, и знакомый мужской голос жёстко скомандовал:

– Хальт! Стоять на месте! Обе руки поднять вверх! Резких движений не делать, сразу буду стрелять! Медленно опуститься на колени! Лечь на живот, конечности вытянуть в стороны!

Ничего было не сделать, приходилось безвольно подчиняться. Денис лёг на холодную, мокрую от утреннего тумана землю, вытянув руки и ноги в стороны, прислушался: секунд через двадцать явственно обозначился звук осторожных шагов. Враг приближался.

«Если он настоящий профессионал, то обязательно сейчас саданёт чем-нибудь серьёзным по голове», – любезно

подсказал заботливый внутренний голос.

Враг оказался настоящим профессионалом: резкая тупая боль в затылке, угольная беспросветная чернота, провал в неизвестность...

Денис постепенно пришёл в себя. Руки были крепко связаны за спиной, а ноги свободны. Свежий прохладный ветерок, словно заботливая медсестра, ласково и осторожно, едва касаясь, гладил его по голове, заставляя медленно отступить злую колючую боль.... Он медленно открыл глаза.

– Приветствую вас, уважаемый сеньор! – жизнерадостно и не очень членораздельно заявил Лукаш Пушениг, жадно впиваясь белоснежными зубами в гигантский бутерброд. Оберштурмбанфюрер СС явно хотел ещё что-то добавить, но не смог – по причине плотно забитого рта.

«Венская подкопченная ветчина на тминном чёрном хлебе», – автоматически отметил Денис.

Только через пять минут герр Пушениг покончил с бутербродом, отряхнув с ладоней хлебные крошки, достал из внутреннего кармана пятнистого бушлата фляжку из нержавеющей стали, отвинтил крышку, жадно приник к её горлышку, сделав при этом не менее четырёх крупных глотков.

«Французский «Бурбон», настоящий, двадцатилетней выдержки!», – с завистью определил Денис и громко сглотнул слюну, произвольно заполнившую ротовую полость.

Слух у оберштурмбанфюрера оказался отменным.

– Шпионам коньяк не полагается, – широко и добродушно улыбнулся Пушениг. – Им, вообще, ничего не полагается, разве что раскалённый до красна прут в задницу.... Это, кстати, мой друг, от вас никуда не уйдёт! Вот доберёмся до Лонггира и тут же приступим к этому приятному процессу. Для кого-то – приятному, для кого-то – не очень.... Вы, к слову, шпионом какой страны являетесь? Соединённые Штаты Америки? Великобритания? Молчите? Не говорите мне только, что это коварный генерал Франко вам приказал уничтожить новейший образец ФАУ-3. Наши-то бонзы до сих пор уверены, что испытания завершились неудачно – сугубо по причине несовершенной конструкции летательного аппарата.... Наверное, некоторые умники уже всерьёз предлагают свернуть всю программу. А тут сюрприз: живой диверсант, пойманный на месте преступления, готовый к целевым многоуровневым допросам.... Что молчите, любезный? Сегодня я имел честь наблюдать со скал, нависающих над Сине́й долиной, как вы выбирались из своего укрытия, заложенного кусками гипса. Недооценили вы старину Лукаша, недооценили...

А что тут было, собственно, говорить? Всё было предельно ясно: полный и оглушительный провал – со всеми вытекающими из этого факта последствиями.... Оставалось только одно: усиленно думать о том, что врать на предстоящих допросах. Да и бедную Анхен надо было как-то выгораживать, замучают ведь до смерти молоденькую девчонку сатрапы де-

шёвые...

– А какие у нас, уважаемый герр оберштурмбанфюрер, ближайшие совместные планы? – вежливо поинтересовался Денис.

Лукаш Пушениг не стал напускать на себя излишнюю таинственность и покладисто пояснил:

– Сейчас я приберу за собой следы прошедшего завтрака, ибо природу необходимо беречь и охранять. Потом соберу свой рюкзак. Ваш, извините, придётся тут бросить: арестанту все эти вещи, сложенные в него, уже никогда не пригодятся, а мне таскать на плечах лишнюю тяжесть что-то не хочется.... Карабин, гранаты, браунинг и патроны прихватим с собой, а всё остальное я сейчас закопаю. Потом пойдем вдоль берега. Там, примерно в тридцати километрах от этого места, на берегу фьорда есть маленькое охотничье зимовье, в подполе которого имеется надёжный тайник, а в тайнике спрятана отличная рация. Выйду на связь с Лонгьиром, вызову паровой катер.... Через часиков пять-шесть помчимся с ветерком на встречу с заслуженными наградами. Меня, очевидно, ждёт очередной крест. Вас, идальго, как уже было сказано выше, раскалённый железный прут и старая тупая пила, предназначенная для нежных гениталий...

Лукаш отошёл метров на десять-двенадцать в сторону, выдернул с корневищем молоденький куст вереска, обильно цветущий сиреневыми шишечками, взял в руки сапёрную лопатку и принялся старательно углублять образовавшуюся

ямку.

«Чтобы такого учудить?» – задумался Денис. – «Что, если поступить так...».

Додумать эту мысль до конца он не успел, где-то рядом раздался едва слышный «вжик», и оберштурмбанфюрер СС Лукаш Пушениг, издав жалобный гортанный стон, начал медленно заваливаться на спину, крепко держась ладонью правой руки за наконечник стрелы арбалета, пробившей его толстую шею насквозь...

Денис воспринял произошедшее достаточно спокойно, а, именно, как непреложную реальность, однозначно подтвержденную органами зрения и слуха. А вот радоваться он что-то не спешил. Кто его знает, а вдруг этот неизвестный арбалетчик ничем не лучше, чем покойный оберштурмбанфюрер? У русского разведчика врагов всегда и везде хватает...

Даже когда из-за серой треугольной скалы показалась милая Анхен Мюллер, верная и симпатичная напарница, облачённая в ту же походную одежду, что и десять дней назад, он не перестал тревожиться. Анхен сейчас должна была находиться за много километров от этих мест, на загадочном острове Змеином. Следовательно, она самовольно нарушила приказ, а, значит, вполне возможны и разнообразные неожиданности, на которые так щедра жизнь профессионального диверсанта. Приходилось терпеливо и хладнокровно ждать дальнейшего развития событий.

Не сдержавшись, Денис негромко пробормотал себе под нос несколько солёных фраз на языке родимых осин.

– Нехорошо это – так выражаться в присутствие юной и непорочной девушки, – сообщила на чистейшем русском языке подошедшая Анхен и укоризненно покачала головой. После этого девушка аккуратно положила на ближайший плоский камень боевой арбалет незнакомой конструкции, ловко сбросила на землю тяжёлый брезентовый рюкзак, достала из ножен острый охотничий нож.

«А ведь она русская», – решил для себя Денис. – «Говор-то природный, характерный...».

– Вы, Денис Евгеньевич, не думайте про меня чего плохого. Я, действительно, своя... Просто у меня было ещё одно задание, о котором не велено было вам говорить, – примирительно пробормотала Анхен, разрезая толстые верёвки, связывающие руки напарника. – Сами же всё понимаете, приказ – дело святое...

Он поднялся на ноги, медленно подошёл к телу незадачливого оберштурмбанфюрера, разминая по дороге затёкшие кисти рук. С Лукашем всё было кончено: из рваной раны в шею вытекло уже примерно пол-литра крови, глаза закатились, нос заострился, лицо приобрело бледно-синеватый оттенок.

– Ну, так как? – равнодушно спросил Денис.

– Что – как?

– Выполнила приказ? – он резко перешёл на «ты», демон-

стрируя тем самым своё недовольство тем, что часть информации была утаена. – Кстати, а где наша славная «лодочка с подвесным моторчиком»? И откуда у тебя взялся этот шикарный боевой арбалет? Никогда такого не видел.

Помолчав с минуту, Анхен ответила – чётко и внятно – словно признавая, тем самым, бесспорное старшинство Дениса:

– Баркас спрятан во фьорде, в десяти километрах отсюда. Только в противоположной стороне от зимовья, где у немцев опорная точка. Их точка – направо, наша – налево... Это сейчас – «наша точка», а раньше, до войны, там располагалась американская научная станция по изучению местных ледников. В одном из брошенных домиков наши – года два с половиной назад – оборудовали небольшой тайник, где и был спрятан арбалет, другое оружие, консервы, профессиональная кинокамера... Одно плохо, – девушка с грустью посмотрела на свои ладони, покрытые белыми пузырями мозолей, – мачту на баркасе пришлось спилить. Так было надо... Ничего, потом соврём, что её штормом сломало до половины, вот мы и спилили огрызок, чтобы не мешался под ногами. А моё персональное задание заключалось в следующем: с заданной точки заснять запуск и полёт испытуемого объекта...

– Подожди, подожди, соратница! – сердито прервал её Денис. – Вы что же, заранее знали, что испытание объекта будет производиться в Синей долине?

– Не совсем так, командир. Наши аналитики очень внимательно изучили карту Медвежьего острова, наметили шесть перспективных площадок... Ваше мнение, Денис Евгеньевич, в данном случае являлось определяющим.

– Какой я тебе – Денис Евгеньевич? – поморщился Денис, словно бы только что лизнул дольку испанского зелёного лайма. – Давай вернёмся к прежнему имени – сеньор Оскар Рамос. Да и на русском языке общаться не стоит... На русском – в России когда-нибудь поговорим. Потом, если в живых останемся и случайно встретимся... Это – приказ!

– Так точно, герр майор, слушаюсь! – тут же дисциплинированно перешла на немецкий язык Анхен.

Он в несколько глубоких затяжек прикончил мятую сигарету, сильным щелчком отправил окурок на добрые десять метров в сторону.

– Лихо это у вас получилось! – восторженно объявила Анхен. – Только, всё же, придётся подобрать. Полученные инструкции предписывают соблюдать строгую конспирацию.

Девушка вытащила из кармана своего рюкзака бурый бумажный пакет и отправилась на поиски окурка. Денис только извинительно и смущённо пожал плечами...

Когда девушка вернулась обратно, он не удержался от дурацкого вопроса:

– Если не секрет, милая фройляйн, а каково твоё настоящее имя? Да нет, ничего такого, просто очень интересно...

Ведь там, в Лонгьире, я был на сто процентов уверен, что ты природная немка и истинная арийка. Так – как?

Девушка посмотрела на Дениса каким-то странным взглядом.

– Меня зовут Катерина, Катя. А отчество – Лаврентьевна.

– Надеюсь, твоя фамилия – не Берия? – широко и глупо улыбнулся Денис.

– Моя фамилия – Никонова, по маме, – очень серьёзно ответила юная напарница. – Лаврентий Павлович Берия – мой папа. А я, соответственно, его любимая дочка. Правда, так пока и непризнанная им официально, внебрачная...

Глава четвёртая

Воскресший из мёртвых

На некоторое время Денис буквально потерял дар речи. Сидел на круглом валуне и тупо молчал, пытаясь хоть как-то определить своё отношение к услышанному. Казалось бы, что здесь такого? Ну, любимая дочка, ну, Берии... Подумаешь! Нет, не так-то всё и просто...

Во-первых, Лаврентий Павлович Берия – на данном конкретном этапе – являлся его прямым и непосредственным руководителем. Любимая дочка непосредственного начальника? Причём, всемогущего и лишённого всяческих сантиментов? Это, знаете ли, «не есть хорошо». Даже неуютно как-то становилось на душе...

Во-вторых, Анхен-Катерина продолжала поглядывать на него с ярко выраженным пиететом и нескрываемой симпатией... Кто её знает: откажешь в скупой мужской ласке, так свяжется по рации с папашей, обратится с ерундовой просьбой – трансформировать Дениса в однозначного вдовца, свободного для серьёзных отношений. Сошлют тогда бедную Татьяну на вечные времена в какой-нибудь там Туруханск, или просто расстреляют – для пущей надёжности... Он прекрасно понимал, что это уже явный перебор и полная глупость, но всё же. Всё же...

Анхен, похоже, сразу же догадалась об этих его терзаниях, присела на корточки напротив, смущённо заглянула ему в глаза.

– Командир, наверное, напрасно я вам сказала про это? Ну, извините дурочку! Забудьте! Давайте исходить из того, что я – младший лейтенант, а вы – майор? Приказывайте!

Девушка гибко выпрямилась и вытянулась в струнку, демонстративно приняв положение «смирно».

Денис поднялся на ноги, ласково дотронулся до молочного-белых волос Анхен, достал из серебряного портсигара очередную сигарету «Каро», прикурил, снова опустился на большой камень, густо поросший пышным зелёным мхом.

– Вольно, младший лейтенант! Что же, тогда расскажи мне подробно, своими словами – без всех условностей, предусмотренных Уставом – о выполнении поставленной перед тобой задачи. Что конкретно тебе удалось заснять? Давай присядем, в ногах правды нет. Только предварительно постели на камень что-нибудь тёплое, чтобы не застудиться.

Анхен послушно достала из своего рюкзака клетчатое байковое одеяло, постелила его поверх камня, расположенного в полутора метрах от валуна, на котором восседал Денис, грациозно присела и робко спросила:

– Командир, можно я тоже закурю?

– Закуривай, – равнодушно пожал он плечами. – Обещаю твоему отцу об этом не докладывать. Только поторопись с

рассказом. Интуиция мне подсказывает, что очень скоро у нас будет ощущаться дефицит свободного времени.

Девушка достала из изящного кожаного футляра длинную и очень тонкую дамскую сигарету, вставила в элегантный чёрный мундштук, прикурила от горящей спички, галантно поднесённой Денисом, глубоко затянулась, выпустила изо рта ароматное облако табачного дыма. Запахло спелыми грушами и лесными орехами.

– Я с самого рассвета сидела в укрытии с камерой наготове, наблюдала за предполагаемым местом появления объекта. Какой он из себя – совершенно не представляла.... Время шло – час за часом, а ничего не происходило. Я даже подумала, что вы уже успели полностью испортить эту штуковину и всё отменяется. И, вдруг..., – глаза Анхен возбуждённо заблестели и расширились. – И, вдруг.... Он появился совершенно внезапно. Такой красивый.... Как кто? Не кто, а что.... Диск светлый, серебристый такой, блестящий! Хорошо ещё, что он секунд на двадцать завис на одном месте, я успела запустить кинокамеру и поймать его в видоискатель. А потом он плавно полетел. Сделал очень широкий круг, диаметром километров в десять-двенадцать, остановился на несколько секунд... И полетел уже строго по прямой линии, на север. Потом диск задрожал, чуть заметно вильнул в сторону, раздался взрыв..., – девушка замолчала, прикрыв глаза, словно ещё раз просматривая в уме эту завораживающую картинку.

– Получается, что «тарелка» развалилась в воздухе?

– Тарелка? А, ну да, очень похоже на тарелку.... Нет, после взрыва над диском образовалось желтоватое облако дыма, он ещё немного, видимо по инерции, пролетел вперёд, а потом резко, градусов под сорок пять по отношению к линии горизонта, пошёл вниз и упал на один из северных островов... Раздался ещё один взрыв. После этого над островком, словно из-под земли, поднялось облако: разлапистый гриб на тонкой ножке, очень странный и нелепый, как будто у него три шляпки срослись в одну.... Уродство сплошное! – девушка брезгливо поморщилась. – Почему так получилось, командир?

– Так ведь и бомб было три, – принялся объяснять это странное явление Денис, но тут же опомнился: – Какие ещё грибы? Где всё случилось? Отсюда видно это место? Покажи пальцем!

– У вас лицо стало совершенно белым, – вставая со своего камня, негромко проговорила Анхен. – Вон там, на северо-востоке, из тумана выступает чёрная точка.... Видите? Вот над этим островом и «вырос» трёхголовый «гриб». Отсюда до этого островка километров двадцать пять будет, может, немного больше.... Что-то серьёзное произошло, командир?

– Произошло, – машинально подтвердил Денис. – Как высоко над поверхностью острова поднялось это грибообразное облако? Диаметр самого «гриба» можешь определить?

Девушка, смущённо и виновато улыбнувшись, принялась показывать руками:

– Вот на такую высоту он поднялся, а общий диаметр «гриба» был вот таким... Как же это пересчитать в километры? Не знаю я, командир, честное слово, извините... А хотите, я вам покажу фотографии этого интересного феномена?

– Фотографии? Откуда они у тебя?

Заметив удивление и заинтересованность начальника, напарница заметно повеселела и оживилась:

– Появился уродливый «гриб», я его снимала, снимала, а потом меня будто кто-то сильно толкнул в грудь, и я упала... Может, это была ударная волна от взрыва? Вот и я не знаю... Во время падения камера сильно повредилась о камни, надо было менять объективы, а это дело долгое. Тогда я достала обычный фотоаппарат и оперативно нащёлкала пару кассет. А уже ночью на точке (там маленькая фотолаборатория ещё от американцев осталась) несколько кадров проявила и напечатала... Вот посмотрите! – достала из рюкзака неприметный бумажный конверт, протянула Денису.

Он молча вглядывался вдаль, пытаясь соотнести размеры грибовидного облака, показанные Анхен и видимые на снимке, с истинными расстояниями между природными объектами, видимыми невооружённым взглядом.

Сделанные выводы не утешали.

«Похоже, что облако поднялось на высоту не менее пя-

ти километров, а общий диаметр «гриба» превышал полтора километра», – рассуждал про себя Денис, стараясь оставаться максимально спокойным и невозмутимым. – «Неужели нацисты смогли изготовить атомную бомбу? Понятно, что это какой-то её «грязный» вариант. Тут дело совсем в другом...».

– Командир, это что, какой-то новый вид оружия? Очнитесь, сеньор Рамос! – прервала его размышления Анхен.

– А, что? Да, младший лейтенант, это принципиально новый вид оружия: обогащённый уран, обогащённый плутоний, ядерная цепная реакция.... Впрочем, не забивай себе голову этими ненужными деталями. Уясни для себя одно: монопольный обладатель (в должном объёме) такого оружия – практически непобедим.... Необходимо срочно выяснить, где был изготовлен сам летательный аппарат, а также установить точный маршрут морского транспорта, пристававшего к берегу напротив Синей долины. Где конкретно на его борт были подняты эти три злосчастные бомбы? Необходимо по этому поводу подготовить запрос в Москву, ещё было бы неплохо узнать...

Анхен, явно изображая из себя прилежную школьницу, подняла вверх правую руку, подперев её локоть ладошкой левой.

– Докладывай, младший лейтенант! – скупно кивнул головой Денис, справедливо предчувствуя очередной, заранее подготовленный подвох.

– Во-первых, сеньор Рамос, вы сами настаивали на возвращение к прежним именам и званиям.... Какая я вам – младший лейтенант? Меня зовут – Анхен Мюллер. Я доктор немецкого госпиталя в военном гарнизоне города Лонгьира, архипелаг Шпицберген.... А, во-вторых, существует и вторая часть порученной нам с вами операции. Разрешите доложить по существу?

– Докладывай, доктор! – он снова потянулся за своим портсигаром.

– Сама «тарелка», как вы называете этот летательный аппарат, была изготовлена на секретном заводе, расположенном под Потсдамом. Это был единственный работоспособный экземпляр. Вероятность того, что в ближайшее время фашистам удастся изготовить что-то аналогичное, ничтожна мала: в ближайшее время по этому квадрату начнут активно работать наши дальние бомбардировщики. Что касается этих трёх бомб.... Они были подняты на борт неустановленного немецкого крейсера в гавани острова Узедом. Существует большая вероятность того, что бомбы были изготовлены в одной из подземных лабораторий, расположенных на этом острове. Все подробности можно будет узнать при личной встрече с нашим резидентом, курирующим данный район Германии.... Если вы считаете, что эти бомбы представляют серьёзную опасность, то вам предписано срочно передислоцироваться в немецкий город Вольгаст и незамедлительно войти в контакт с резидентом. Я должна помочь вам

с максимальной легализацией этого перемещения.... У меня всё.

Денис задумчиво почесал в затылке и уточнил:

– Что имеется в виду под термином «максимальная легализация»?

Девушка лукаво улыбнулась и слегка покраснела.

– Вас ведь, правда, немного удивляло, что я всем встречным и поперечным рассказывала об обнаруженных у вас симптомах классической цинги? Так вот, это было составной частью заранее сформированной легенды.... Не понимаете? Прямо сейчас мы возвращаемся в скучный и провинциальный Лонгьир. Да, на десять дней раньше запланированного срока. Ну и что? Всё это объясняется просто: у вас, как всем известно, была цинга в её начальной стадии, а тут десять дней горячего и страстного «медового месяца».... Не рассчитали свои скудные силы, болезнь начала стремительно прогрессировать, – Анхен залилась краской уже до самых кончиков ушей и не отрывала взгляда от земли. – Поэтому пришлось срочно вернуться.... Когда дойдём до этого заброшенного американского лагеря, где спрятан наш баркас, я вам дам хитрую таблетку, проглотите. Она уже через час с небольшим подействуют. Ещё доплыть до Лонгьира не успеем, а у вас уже волосы начнут клочьями выпадать, изо рта такой натуральной гнилью запахнет, что никто не усомнится в вашей болезни...

– А это обязательно? Ну, выпадающие волосы, вонь изо

рта? – хмуро спросил Денис, стараясь не смотреть на девушку.

– При создании по-настоящему серьёзной легенды важна каждая мелочь, – очень грустно вздохнула Анхен. – Для полной достоверности таблетку, всё же, придётся принять.... Я подниму стандартную панику, сопровождаемую слезливой истерикой. После этого соберу расширенный врачебный консилиум. И поедите вы, как миленький, на излечение в симпатичный городишко Вольгаст – в сопровождении важных и авторитетных бумаг.... В тех местах, на морском побережье, располагается множество ведомственных санаториев и авторитетных частных клиник, так что всё будет выглядеть максимально достоверно. Заселитесь в самом шикарном санатории, процедуры лечебные поприимаете, встретитесь с резидентом.... Что дальше? Это вам решать....

После минутной паузы Денис усмехнулся:

– Судя по всему, эта легенда разрабатывалась давно и продумчиво. Способные нынче в Москве сценаристы, талантливые такие.... Искренне преклоняюсь!

Анхен с вызовом посмотрела ему прямо в глаза:

– Я, вообще, очень способная девушка. А ещё – крайне симпатичная и морально устойчивая...

Перед отплытием в Лонгьир предстояло сделать ещё несколько дел.

Одно из наиважнейших – разобраться с телом несчастно-

го Лукаша Пушенига.

Было понятно, что оберштурмбанфюрера СС очень скоро хватятся и начнут усиленно искать. Причём, кто-нибудь из его подчинённых наверняка в курсе, куда означенный оберштурмбанфюрер намеревался отправиться. Если найдут труп со следами насильственной смерти, то могут связать их наличие с фактом недавних неудачных испытаний суперсекретного летательного аппарата. Потом могут засомневаться и в естественной причине данной катастрофы. А этого не хотелось бы... Если причина аварии связана с конструктивными недостатками, то всегда найдутся рачительные чиновники, призывающие к полному свёртыванию проекта. Если же будет установлено, что имела место коварная диверсия, то, наоборот, работы по ФАУ-3 могут быть активизированы...

Анхен предложила следующее решение вопроса:

– Неплохо было бы обставить смерть герра Пушенига – как банальный несчастный случай. Например, как падение с большой высоты.... Затаскиваем труп оберштурмбанфюрера на ближайшие скалы, надеваем на его (трупа) плечи рюкзак, карабин вешаем на шею, сильно раскачиваем за руки и за ноги, сбрасываем вниз. Высота там вполне приличная – метров двести пятьдесят – поэтому при падении мёртвое тело будет очень сильно изуродовано: попробуй, разгляди на шее отверстия от тонкой арбалетной стрелы.... А вот ещё такой интересный вариант, – глаза девушки азартно забле-

стели. – Вы, командир, убиваете белого медведя: они же вас не боятся, совсем близко подпускают... Вот, значит, вы берёте карабин бедного Лукаша, осторожно подходите к зверю поближе, стреляете прямо в сердце. Потом мы тело незадачливого герра Пушенига подносим к убитому медведю, кладем прямо на тушу. Вместе поднимаем лапу медведя – она, наверное, очень тяжёлая – и раз, раз, раз! Лапой по лицу и шее покойника... У белых медведей когти острые – словно двусторонние кинжалы: одно сплошное месиво получится, никаких следов от стрелы не останется. Так всё и бросим... Перед теми, кто придёт после нас на это место, предстанет однозначная картина: злой белый медведь напал на храброго оберштурмбанфюрера, завязалась кровавая схватка, оба её участника погибли. Несчастный случай на охоте, так сказать! Как вам, командир, мой план?

Денис только поморщился: к белым медведям он всегда испытывал тёплые – где-то даже братские – чувства, и перспектива застрелить одного из своих «братьев» ему совершенно не улыбалась.

«Да, а Катерина-то – настоящая дочь своего отца: совершенно не боится крови! Лаврентий Павлович должен быть доволен...», – подумалось – почему-то – с сожалением...

Судьбу тела герра Пушенига Денис решил просто: подтащили его к самому краю высокого обрыва, нависающего над морской ангельской гладью, на широкие плечи покойнику повесили брезентовый рюкзак, плотно набитый круглы-

ми булыжниками, ляжки рюкзака, на всякий случай, толстыми верёвками крепко привязали к мёртвому телу, и – совместными усилиями – столкнули труп с обрыва. Громкий «бульк», широкие круги по воде...

Карабин оберштурмбанфюрера и холщовый мешок с прочими его вещами, также утяжелённый прибрежными камнями, последовал за телом хозяина.

– Вариант, конечно же, далеко не идеальный, да Бог с ним, и так сойдёт, – резюмировал Денис.

После этого они отправились в Синюю долину. Денис забрал из тайной каверны нужные ему вещи: оружие, боеприпасы, кинокамеру и киноплёнку с заснятым на ней взлётом летающей «тарелки». Всё ненужное он сложили в каверне, и с помощью остатков специального клея окончательно замуравал вход в тайник, навёл снаружи должный маскировочный макияж.

К вечеру они вышли на «опорную точку»: несколько однотипных, слегка обшарпанных сборно-щитовых домиков под тёмно-синими крышами, крохотная прямоугольная бухта с низенькой искусственной подземной выработкой в торце, где и было спрятано их славное судно – уже без мачты, естественно.

– Жалко, конечно. Чем-то на кастрацию похоже, – прокомментировала прямолинейная Анхен, тем не менее, чуть покраснев при этом. – Зато с самолёта не разглядят...

Они собрали и сложили в рюкзаки вещи, тщательно уни-

чтожили все следы недавнего пребывания человека в этом «Богом забытом уголке», легли спать. В разных домиках, естественно, легли.

Утром загрузились в свой «кастрированный» баркас. Перед тем, как завести мотор, Денис негромко пробормотал, обращаясь неизвестно к кому:

– Эх, лишь бы до Лонгъира по-тихому добраться, без всяких лишних происшествий...

Не получилось – по-тихому.

Только вышли из тиши фьорда на морские просторы, глядь, вдоль низкого берега, метрах в трёхстах, идёт большой мотобот, стоящая на носу неясная чёрная фигурка рукой машет призывно.

Поздно уже было прятаться, да и вариант с пошлым бегством сразу же отпадал: неизвестная посудина визуально шла с очень приличной скоростью, заметно превосходящей их собственную. Он резко повернул рулевой рычаг мотора, меняя направление движения, другой рукой достал из кармана куртки браунинг, положил рядом с собой на сиденье, щёлкнул предохранителем.

– Стрелять только после меня! – отдал Денис короткое приказание.

Других инструкций у него не было, но он был почему-то уверен – девушка и сама прекрасно знает, что надо делать. Очень способная такая – девушка...

Вот уже до мотобота, идущего навстречу, осталось метров семьдесят.

Сбывались самые худшие предчувствия: из рулевой рубки высовывался упитанный унтер-офицер, одетый в шинель из зелёного толстого сукна, посередине посудыны, уперев ногу в невысокий коричневый борт и удобно пристроив короткий автомат на колене, располагался второй унтер – точная копия первого, на носу, широко расставив длинные ноги, возвышался молодцеватый обер-лейтенант в чёрной эсэсовской форме.

Плавсредства заранее сбавили ход, потом полностью застопорили моторы и поравнялись, плавно качаясь на мелких волнах. Теперь друг от друга их отделяла только узкая трёхметровая полоса тёмной воды.

– О, лейтенант Крюгер! Какая неожиданная и приятная встреча! А мы как раз вас и ищем! – радостно и непринуждённо сообщила Анхен.

– Фройляйн Мюллер? Сеньор Рамос? – искренне удивился обер-лейтенант. – Как вы оказались в этих суровых местах? Вы же должны были отдыхать на Змеином острове! И почему вы ищите – именно меня?

– Ах, милый мой Отто! – продолжала лицедействовать внебрачная дочь Лаврентия Павловича. – Двое суток назад у дона Оскара началась цинга – в очень неприятной форме – и мы решили вернуться в Лонгьир, но попали в сильный туман и сбились с курса. Потом течение вынесло наше утлое

судёнышко к этим неприветливым берегам, где мы и встретились с герром Пушенигом...

Денис зашёлся в приступе непритворного кашля: где-то час назад он проглотил большую белую таблетку («цинговку», как доходчиво выразилась Анхен), теперь у него поднялась высокая температура, нестерпимо ломили коренные зубы, в лёгких и бронхах что-то противно булькало.

– Что? Вы виделись с господином оберштурмбанфюрером? – изумился Крюгер, кинув на Дениса сочувственный взгляд.

Анхен возмущённо передёрнула плечами:

– А я вам о чём толкую последние десять минут? Конечно же, виделись! Более того, мы сейчас для того и следуем в Лонгьир, чтобы передать вам, обер-лейтенант, и герру фрегаттенкапитану Франку Шварцу секретные поручения от оберштурмбанфюрера Пушенига.

– Какие секретные поручения?

– Секретные! Очень секретные! Очень-очень секретные! – холодно и строго заявила девушка, многозначительно кивнув головой в сторону унтер-офицеров.

– А ну-ка, бездельники, заткнули уши! – рявкнул доверчивый Крюгер.

Чтобы выполнить эту команду второму унтеру пришлось положить свой автомат на палубу мотобота. Не теряя времени, Денис схватил – обеими ладонями – браунинг и надавил на спусковой курок, через мгновение и его подчинённая от-

крыла огонь на поражение...

Всё было кончено за считанные секунды, оставалось только «немного прибраться» – как скаламбурила милая фройляйн Мюллер. Трупы, их личные вещи и оружие по уже проторённой дорожке последовали в тайную морскую пучину.

А что было делать с мотоботом? Денис хотел и его просто-напросто потопить, предварительно продырявив дно во многих местах, но Анхен была категорически против:

– Не торопитесь, командир! Давайте эту лоханку прихватим с собой, крепко привязав верёвкой к корме. У меня есть план: иногда лучше всего действовать – вопреки всякой логике...

Баркас медленно приближалась к Лонгвиру. Уже из-за поворота показался чёрный бетонный причал, рядом с которым лениво покачивались на зеленоватых волнах два немецких сторожевых катера – серых и каких-то неуклюжих, издали очень похожих на спящих маленьких котят.

На корме баркаса, положив правую руку на рулевой рычаг мотора, вольготно восседала Анхен Мюллер, а Денис находился в рулевой рубке мотобота, держась из последних сил за ручки штурвала. Он совсем не притворялся, ему было плохо по-настоящему: всё тело была крупная дрожь, нижнее бельё насквозь промокло от пота – и горячего и холодного, дёсны некрасиво распухли и едва помещались во рту, а ещё нестерпимо хотелось спать...

«Очень даже хорошие таблетки придумали наши отечественные эскулапы, такие действенные... Вот же, суки злые, садисты законченные!», – неприязненно поморщился Денис.

– Командир! – донёсся до него звонкий голосок. – Дёрните-ка себя за волосы!

Он послушно дёрнул, поднёс кулак к глазам, разжал: на ладони лежал большой клок пегих, русо-седых волос.

– Вот же, чёрт меня дери! – смачно сплюнул в сторону.

– Действует таблетка, действует! – радостно заявила Анхен. – И волосы отлично выпадают, и слюна розовая... Значит, дёсны уже начали всю кровоточить!

На причале к лодке подбежало несколько военных. Их званий и лиц Денис уже не смог разобрать – из-за густой серо-зелёной пелены, застилавшей глаза...

– Помогите пришвартовать посудины, выгрузить на берег больного офицера и все наши вещи! – строго скомандовала напарница. – И срочно пошлите человека за господином фрегаттенкапитаном! Я сказала – срочно! Выполнять, если не хотите прямо завтра отправиться на Восточный фронт! Шевелите помидорами, засранцы! Чтоб вас английской бомбой шмякнуло – по одному известному месту...

Больше он ничего не видел и не слышал – провалился в мягкую и глубокую яму крепкого и сладкого сна...

В ушах настойчиво и требовательно зазвенело, Денис проснулся и приоткрыл ресницы. Перед глазами был белый

потолок, покрытый густой сетью мельчайших трещин. Он осторожно повернул голову в сторону: белый пододеяльник, белая простынь, белая стена...

«Это, наверное, больница», – осторожно предположил Денис и повернул голову в другую сторону: прямо перед ним оказалась улыбающаяся мордашка Анхен Мюллер – в обрамлении таких же весёлых, молочно-белых кудряшек.

– Привет, командир! Ну, вы и спать горазды! Больше тридцати часов уже дрыхнете.... Пришлось будильник применять. Как там ваше драгоценное самочувствие? – непринуждённо поинтересовалась мордашка.

Он прислушался к ощущениям организма: температуры, вроде, не было, голова не кружилась, зубы совершенно не болели, опухоль на дёснах немного спала.

– Это очень плохо, – искренне огорчилась добрая Анхен. – Вам выздоравливать сейчас нельзя, ни в коем случае! Придётся обязательно проглотить ещё одну таблетку...

– Да, проглочу я, проглочу! Обязательно! – горячо заверил девушку Денис. – Но только немного позже.... Ты, дорогая, давай, докладывай о текущих делах, не тяни.

– Есть, докладывать! Есть, не тянуть! – шутливо козырнула белокурая соратница. – Всё идёт согласно разработанному плану. По поводу мотобота обер-лейтенанта Крюгера: я объяснила, что мы нашли его на траверзе южного мыса безымянного островка, на полпути к Лонгвиру. Мол, проплывали мимо и совершенно случайно обнаружили.... Плывёт се-

бе по течению: без людей и вещей, только с обильными лужицами свежей крови на палубе. Мол, кто-то попиратствовал немного, не иначе. . . . На нас, конечно же, никто и не подумал. Даже благодарили от души. А к тому островку уже сторожевой катер вышел – с отрядом морских пехотинцев на борту. Здесь всё нормально, удалось псов глупых направить по ложному следу. . . . Вчера состоялся и консилиум местных медицинских светил. Всё прошло – как по маслу: единодушно было признано, что у вас, мон шер, опасная для здоровья форма цинги. Необходимо серьёзное лечение и резкая смена климата. . . . Никто и не удивился. Это немцы – железная нация, которой любые передряги нестрашны. Арии, так сказать. Избранный народ! А чего же ждать от испанца, изнеженного в своём тёплом климате? Не выдержал, сломался! Данный факт был встречен с полным пониманием и, даже, с лёгким злорадством. . . . Так что, командир, собирайтесь на курорт! Угольный транспорт отходит завтра в двенадцать ноль-ноль по местному времени. Здесь у меня направление в санаторий, который обслуживает офицеров нашего гарнизона. Хороший санаторий, там вас быстро подлечат. Только вот, таблеточку-то проглотите, не побрезгуйте! Достоверность легенды надо соблюдать скрупулезно. . . . А за два часа до прибытия в этот санаторий – ещё одну пилюлю, последнюю, скушаете. . . .

За сорок минут до отплытия из Лонгьера Анхен вручила Денису обычный незапечатанный голубой конверт средних

размеров.

– Руководство предлагает вам ознакомиться с содержанием этого письма. Возьмите его с собой, в дороге прочтёте. Если будет такая необходимость, то можете направить данный документ адресату. Но только в том случае, когда это будет способствовать получению требуемого результата... Все киноплёнки и фотографии я переправлю в Москву самостоятельно, по отдельному каналу. Вот вам ещё отдельная плёнка и несколько негативов для резидента: летающий диск во всех ракурсах, «гриб», образовавшийся на месте взрыва.

– Где я встречу с нашим резидентом? Как его узнаю? Встречные пароли?

– Он будет вас ждать в ресторанчике «Бир унд Бир» по нечётным числам, с семнадцати до восемнадцати часов. На третьи сутки вашего пребывания в санатории болезнь отступит: кончится действие таблеток, что совершенно нормально. Врачи решат, что это резкая смена климата так чудотворно подействовала на ваш организм. Ещё через сутки, скорее всего, вам разрешат прогулки по городку и его окрестностям... Никаких паролей нет. Вы обязательно узнаете резидента, а он узнает вас. Извините, но подробностей я и сама не знаю...

Расставание с Лонгбиром прошло в абсолютно спокойном и «штатном» режиме: кроме Анхен на причал пришло всего несколько сухопутных офицеров и фрегаттенкапитан Франк Шварц. Все знали, что цинга совершенно незаразна, но, как

говорится, бережёного – Бог бережёт...

Сама процедура прощания получилась скомканной и молчаливой.

Денис тяжело опирался на чёрную трость и – время от времени – начинал содрогаться в приступах сухого «гавкающего» кашля, часто сплёвывая в сторону розовую слюну. В редких перерывах между приступами распили две бутылки шампанского, обменялись крепкими рукопожатиями.

С Анхен тоже простились без слёз и долгих поцелуев, ограничились только несколькими взаимными «чмоками» в щёки: ничего не поделаешь, изо рта человека, болеющего цингой, воняет, как из хорошей выгребной ямы...

Морской приземистый сухогруз, гружёный под самую завязку островным высококачественным углём, медленно шёл по широкому фьорду, из иллюминатора каюты хорошо были видны скалы – чёрные, причудливо изрезанные, неприступные, издали напоминавшие башни массивного средневекового замка.

Денис, с трудом преодолевая головокружение и предательскую слабость, вытащил из голубого конверта плотный лист бумаги, щедро покрытый водяными знаками, углубился в чтение, с трудом понимая смысл прочитанного.

Это было письмо от генерала Франсиско Франко к канцлеру НСДАП (вернее, к начальнику партийной канцелярии) Мартину Борману. В данном документе сеньор Франко реко-

мендовал сеньора Оскара Рамоса – как человека, безусловно преданного идеалам национал-социализма, а также как очень опытного геолога, способного решать самые сложные профильные задачи. Кроме того, генерал просил у Бормана личной аудиенции для сеньора Рамоса, ибо на этой встрече вышеупомянутый сеньор должен был сообщить рейхсканцлеру некую «важную эксклюзивную информацию, способную в будущем вывести экономические отношения между Испанией и Великой Германией на иной качественный уровень...».

Он отчаянно затряс головой и недовольно пробурчал себе под нос:

– Совершенно ничего не понимаю.... Какая – в задницу белому медведю – «важная эксклюзивная информация»? Ладно, над этим потом подумаем, когда пройдёт искусственная цинга, а в голове хоть немного проясниться.... Но зачем все эти непонятки нужны достопочтиму диктатору Франко? Ему-то здесь – какая выгода?

Денис начал вспоминать всё, что знал об этом человеке (почерпнул из папки генерала Ануфриева):

«Франсиско-Паулино-Эрменгильдо-Теодуло Франко-и-Баамондэ родился в 1892 году в маленьком приморском городе на северо-западе Испании, но его родители были чистокровными кастильцами. Отец будущего диктатора, так же как и дед, и прадед, и прапрадед, был офицером испанского королевского военно-морского флота. Юный Франциско с

трехлетнего возраста был уверен, что единственно возможное для него будущее – это карьера морского офицера.... Кроме того, он, начиная с детского возраста, отличался от ровесников серьезностью, исключительной дисциплинированностью и настойчивостью. Уже в четырнадцать лет Франциско Франко получил аттестат о среднем образовании. Но так сложилось, что путь в Военно-морскую академию оказался для него закрыт, и юноша был вынужден поступить в Пехотную академию в Толедо, которую и закончил в звании младшего лейтенанта... Свою блестящую карьеру он сделал во время марокканской войны: в 1915 году стал самым молодым майором в испанской армии, в 1923 году он возглавил Испанский Иностраннный Легион, а в 1926 году стал самым молодым испанским генералом. Франко всегда был ревностным католиком и образцовым семьянином, никогда не принимал участия в традиционных офицерских гулянках, был способен убить интенданта, если солдатская пайка хлеба оказывалась на несколько грамм легче, чем должна. Его авторитет в испанской армии среди нижних чинов был непрекаем.... До 1936 года генерал Франко абсолютно не интересовался ни политикой, ни экономикой, ни социальной жизнью, ни международными отношениями. Все его интересы были сосредоточены сугубо на военной службе. Потом началась кровавая гражданская бойня... Именно бойня, а не война. Кровавая – с обеих сторон. Например, в Мадриде – только за одни сутки – разгневанные пролетарии лин-

чевали более тридцати католических священников.... И за-
вертелась кровавая мельница, в которой уже не было ни пра-
вых, ни виноватых.... Вот тут-то Франсиско Франко не вы-
держал. Такое впечатление, что генералу было всё равно,
как остановить кровавую бойню, но остановить было надо.
Причём, чем быстрее, тем лучше... Будучи католиком, он
возглавил правых, что выглядело совершенно естественным
(ну, не коммунистов-безбожников же, в конце концов, воз-
главлять!). «Хунта национальной обороны» в 1936 году при-
своила ему звание генералиссимуса и назначила временным
Главой государства. В 1939 году Гражданская война в Испа-
нии была завершена, но на пороге уже стояла другая война,
Мировая.... Как же повёл себя Франко в этих условиях? А,
очень просто: он делал всё возможное и невозможное, что-
бы его любимая Испания пострадала во время Второй Ми-
ровой Войны как можно меньше. Да, формально он поддер-
жал Гитлера и даже направил на Восточный фронт элитную
«Голубую дивизию», которая храбро дралась, но была пол-
ностью разбита под Новгородом. На этом и всё. Формально
отметился, так сказать, и хватит.... Но и англичане ему мно-
гим были обязаны: именно Франко – путём хитрых диплома-
тических увёрток в переговорах с Гитлером в 1940 и 41 го-
дах – не позволил немцам занять Гибралтар. А это очень да-
же существенно! Если резюмировать», – рассуждал про себя
Денис, – «то можно сделать только один вывод: дон Фран-
сиско – законченный эгоист. Но эгоист – в национальном

масштабе... Пусть весь остальной мир летит в тартарары со всеми его проблемами! Пусть летит, лишь бы его любимая Испания вышла из всех передряг с наименьшими потерями... Какие там ещё другие ценности – в одно известное место? А что, не самая худшая идеология. По крайней мере, честная! Благодаря такому мировоззрению, каудильо Франко непременно продержится у Власти гораздо дольше всех других своих коллег по цеху, правящих самыми различными странами в этот временной отрезок... Вот, очевидно, чётко понимая, кто победит в этой войне, рассудительный генерал решил и товарищу Сталину оказать несколько значимых услуг. Вдруг, да зачтётся в дальнейшем... Предусмотрительный, сукин кот, ничего не скажешь!».

В порту города Штеттина, где докеры переговаривались между собой на польском языке, его встретила неуклюжая машина: выкрашенная в неприятный грязно-зелёный цвет, непонятной марки, с белым крестом на борту. Расторопный и вежливый оберартц помог забраться в просторный салон автомобиля, погрузил туда же нехитрые пожитки встречаемого.

До санатория они доехали часа за два с половиной. Дорога под колёсами была вполне приличная, пейзажи за окнами – вполне мирные, о войне говорили только многочисленные патрули и полосатые шлагбаумы, у которых приходилось останавливаться для тщательной проверки документов.

За поездку пришлось преодолеть восемь таких пропускных пунктов, но всё прошло без малейших эксцессов, документы Дениса у проверяющих никаких сомнений не вызвали.

Санаторий оказался – как санаторий, только с наличием глубоких подземных бомбоубежищ. Врачи – как врачи. Только в тёмно-зелёных брюках, торчащих из под белых халатов и заправленных в чёрные армейские сапоги. В меру занудные доктора, в меру – равнодушные.

Медосмотры, таблетки, лечебные процедуры, снова – медосмотры, таблетки и процедуры...

Как и предсказывала всезнающая Анхен, через трое суток он стремительно пошёл на поправку, а вскоре ему разрешили и прогулки по свежему воздуху.

До центра городка Вольгаст Денис бодро дошагал минут за пятьдесят. Обычный немецкий городок: белые домики под красно-коричневыми черепичными крышами, низенькие фигурные заборчики, аккуратные палисадники, цветущие вишнёвые и яблоневые сады.

Ресторанчик «Бир унд Бир» нашёлся сразу – по ароматному запаху жареного мяса: это худенький немецкий подросток – в белом фартуке и белом же колпаке на голове – колдовал над некой разновидностью мангала, расположив над малиновыми углями металлическую решётку с выложенными на ней большими кусками жирной свинины. С мяса послушно стекали жёлтые капельки жира и, падая на жаркие

угли, с громким шипением превращались в чудесный ароматный пар, разносимый тёплым ветерком по всей округе...

Он поднялся по низеньким ступеням, облицованным красно-розовыми каменными плитками, толкнул чёрную скрипучую дверь. В просторном зале среднестатистического немецкого кабака было пустынно: только за круглым центральным столом пересмеивалась – под пиво и непристойные анекдоты – дружная четвёрка армейских офицеров, да за дальним столиком возле узкого стрельчатого окна виднелась чья-то широкая спина в штатском чёрном пальто.

Пройдя вперёд несколько метров, Денис непроизвольно отметил про себя, что эта широкая спина ему определённо знакома. Незнакомый штатский, заслышав за своей спиной осторожные шаги, медленно поднялся со своего места и повернулся навстречу.

«Господи, Боже мой!», – вихрем пронеслась в голове тревожная мысль. – «Этого же не может быть!»...

Перед Денисом стоял – живой труп, выходец – с Того света...

Глава пятая

Верные друзья и застенки гестапо

Внешне всё выглядело вполне благопристойно: молодые и симпатичные мужчины «слегка за тридцать», одетые в неброскую штатскую одежду, неподвижно стояли друг напротив друга и дружелюбно молчали. Чего тут, казалось бы, необычного?

Если с одной стороны посмотреть, то ровным счётом ничего. А с другой стороны, благопристойно – это если минуту молчать, ну, две, три, четыре....

А когда – десять, двенадцать? Это уже странно, по меньшей мере: внимание нездоровое привлекает, подозрения разные – навевает...

Вот и в тогда наметилось определённое общественное недопонимание: официанты едва слышно зацокали, подавая друг другу сигналы тревоги, шумная четвёрка армейских офицеров внезапно замолкла и затаилась, балуя установившуюся чуткую тишину лишь едва слышным, подозрительным и тревожным шёпотом...

Третьяков первым пришёл в себя (или же, всё давно знал и просто играл по заранее выученному сценарию?), и громко заорал, нарочито привлекая всеобщее внимание:

– Оскар, старый вонючий павиан, сто чертей тебе в рва-

ные штаны! Тебя же убили тогда, на поганых Филиппинах... Мне так и сказали в Маниле, мол, утонула твоя яхта. Взорвалась – и сразу – утонула! Чтоб мне всю оставшуюся жизнь питаться сырой акульей печенью! Кальмара восьмиглазого – через узкий клюв! Так ты живой, братишка?!

Денис бросился (искренне – бросился!) в крепкие объятия Гарика, и заорал, сразу же смекнув, что все старые легенды до сих пор живы и действенны:

– Пошёл к китовым метровым глистам, старый ты перец! Это я-то – погиб? Конечно же, жив! А ты-то? Это же тебя тогда английская подводная лодка покрошила из пулемёта в труху полную! Штафирка штатская, неполовозрелая...

Свидетелей этой знаменитой встречи было и не сосчитать. И большинство из них – откровенные агенты той, или иной специальной службы. Что-что, а в расходах на всякие там службы Тысячелетний Рейх никогда не скупился... Чем громче они с Третьяковым орали, тем больше разных неприметных серых личностей просачивалось в скромный кабачок.

«Бывает», – подумал Денис. – «Бывает – всякое. Только к этой непреложной истине ещё надо привыкнуть...».

Постепенно праздник встречи двух старинных друзей превратился во всеобщий: военные, штатские, непонятно-подозрительные личности безостановочным потоком подходили к ним, громко восторгались, слушали байки о таинственных и загадочных Филиппинах, желали всего хо-

рошего, сочувствовали, высоко поднимая бокалы, завидовали...

О, эти бесконечные воспоминания – о вчерашних и позавчерашних совместных подвигах! Особенно, если эти подвиги касаются насквозь экзотических мест: никогда не засыпающие шумные джунгли, прохладные подземные пещеры, юные и грациозные туземки – на белоснежном песке заброшенного пляжа, зелёно-синие моря, отливающие серебром – на закате трудного дня.... Тосты, тосты, тосты...

В какой-то момент всеобщего братания Третьяков горячо зашептал Денису в ухо:

– Теперь можно и к дому двигать.... Только ты, командир, притворись мертвецки пьяным, шатайся посильней. Свороти чего-нибудь там из мебели.... Всё, давние друзья следуют на стационарную базу. Тупо и тихо следуют, на автопилотах.... Никого не трогают.... Ну, командир, готов? Тогда – полный вперёд. Но, с оглядкой...

– Герр Шумахер! – нечаянно и громко вспомнил Денис, безжалостно опрокидывая на пол журнальный столик розового дерева со всем, что на нём располагалось. – А что у тебя с личной жизнью? Нет, ты ответь! Как это – женат? Где же она, твоя дорогая женушка? Желая незамедлительно познакомиться с женой моего лучшего друга! Да и заночую у вас, если что.... В санаторий пошлём кого-нибудь.... Халдея дешёвого, что первым подвернётся под руку...

Третьяков тут же подхватил эстафету:

– Кто у меня жена, спрашиваешь? Скажу, от зависти сдохнешь, гнида испанская, недоперчёная! Австралийка настоящая, в третьем поколении! Зовут – Эдит Гражар. В Германии возглавляет «Австралийский Фашистский Союз»... Вот оно как! Правда, редко видимся: Эдит всё в Берлине пропадает, партийные дела, всё такое... Но сейчас она в Вольгасте. Повезло тебе, дон Оскар! Сейчас ещё чуть-чуть выпьем с господами офицерами, и поедем знакомиться... Официант, ещё две бутылки шампанского! Быстро у меня!

Всё было абсолютно нормально. Легально напились, так что – и права имеются... Подумаешь – всякие разные, вместе с их речами...

– В жопу, господа!!!

– Человек, такси!!! Жду тридцать секунд, потом стреляю...

Подошло такси: за рулём – морда. Хитрая такая морда, якобы простая и добродушная. Гарик пихнул локтём в бок, мол, дерьмо подсовывают, бди, соответствуй...

Так и ехали, перебивая друг друга рассказами о филиппинских делах давно минувших дней: богатые клады, таинственные подземелья, морские бои и сражения и, понятное дело, девчонки. Белые, розовые, жёлтые, коричневые, чёрные, доступные... И, наоборот, совершенно неприступные, опять – доступные...

Подъехали к среднестатистическому немецкому котте-

джу: светло-бежевая пупырчатая штукатурка, тёмно-красная черепичная крыша, высокий – в полтора человеческих роста – кованый забор, увитый до половины ярко-зелёным весенним плющом.

Радостно хлопнула входная дверь, по садовой дорожке, выложенной красно-кремовой испанской (в этом Денис разбирался) керамической плиткой, прошелестели быстрые лёгкие шаги.

– Фриц, это ты? – взволнованно и радостно спросила женщина, чьи полные белые колени смутно угадывались в густых вечерних сумерках. – Ты немного выпил, дорогой? Ты с гостем приехал? Тогда проходите в дом сами... Мне нужно переодеться, я то думала, что ты, дорогой, вернёшься один...

Шатаясь и усиленно поддерживая друг друга, Денис и Гарик выбрались из машины, и, одарив мордатого шофёра щедрыми чаевыми, направились к гостеприимно распахнутой калитке.

– Чёрные дразнящие глаза, в упор смотрящие на меня. Гибкий тонкий стан – на фоне белоснежного заброшенного пляжа..., – громко и душевно выводил Третьяков. – Эдит, моя яркая звезда! Угадай, кого я привёз к тебе, девочка?

Эдит выглядела просто бесподобно: рыжая грива, ниспадающая до самой попы, длинное чёрное японское кимоно, расшитое разноцветными жар-птицами. У крыльца коттеджа они немного поорали нестройным хором: о верной дружбе, о незабываемых временах юности, о сказочных да-

лёких краях, расположенных где-то там, в немыслимой дали...

Вошли в дом, громко хлопнула одна дверь, потом – вторая, отделяющая основное помещение от небольшой, метров в семь квадратных, тесной прихожей.

«Прямо как в русской деревне, самые натуральные сени», – машинально отметил Денис. – «Не удивлюсь, если Гарик сам и спроектировал данное строение».

В холле – в семирожковой люстре – тускло горела единственная лампочка, зато расставленных по всем углам и поверхностям подсвечников – с зажженными толстыми свечами – насчитывалось полтора десятка. Светло было в комнате: по центру – большой полукруглый камин, сложенный из зеленоватых ребристых камней, справа располагалась аккуратная кухонька, слева – столовая с овальным обеденным столом и десятком деревянных массивных стульев, обитых красной и бордовой кожей.

Эдит, демонстративно приложив палец к губам, достала из кармана кимоно плоскую чёрную коробочку с узким экраном посередине. Внимательно всмотрелась:

– Всё нормально. Можно спокойно и вдумчиво поговорить.

Тут уже обнялись по-настоящему, сбросили верхнюю уличную одежду, скупыми слезами, что называется, плотно переплелись...

– А дети? – немного осмотревшись, спросил Денис.

– Дочка, – Третьяков с гордостью кивнул на висевший над обеденным столом поясной портрет – полтора метра на метр. На холсте был изображён натуральный ангел: в пышных кружевах и мелких тёмно-рыжих кудряшках, со щербатой широкой улыбкой, возрастом – года в два с половиной, не старше.

– Сейчас, – Гарик заговорщицки переглянулся с женой, – мы её в Австралию отправили, к тётке. Типа – в Австралию. Типа – к тётке, – зачем-то уточнил.

Денис коротко рассказал о своих делах последних лет, попросил ответить тем же.

– Рассказ будет совсем коротким, – сразу же предупредил Третьяков. – Тогда, в филиппинской тропической бухте, меня действительно очень сильно зацепило, шесть раз, – покопился на чёрную перчатку, выглядывающую из правого рукава своего серого в ёлочку пиджака. – Когда вы подплыли на «Стреле», я, очевидно, был без сознания. Автоматически держался за сиденье внутри перевернутой и полузатонувшей лодки. Так бывает, как выяснилось.... Потом лодку сильным течением вынесло к ближайшему берегу, до которого всего-то с километр и было. Туземцы племени менго её выловили, ну, и меня вместе с ней. Раны залечили местными лекарствами, правую руку, правда, пришлось отрезать. Без наркоза, естественно.... Удовольствие, доложу тебе, командир, гораздо ниже среднего. Да ладно, лучше уж так, чем в аду прыгать по раскалённым скользким сковородкам. Диверсантам,

понятное дело, рай не светит.... А ещё через два месяца меня нашёл тамошний советский резидент: подробно объяснил некоторые важные детали, задачи поставил чёткие.... В Пенемюнде я прибыл в марте сорок первого года, за три с половиной месяца до начала войны. Пенемюнде – это такой компактный район в Северной Германии (хотя и городок одноимённый существует), куда входят: материковое побережье с устьем несерьёзной реки Пене, большой остров Узедом и куча мелких островов – и безымянных, и имеющих официальные названия.... Тогда тут всё было совершенно спокойно и безобидно. Обычная глухая и беспросветная провинция. Какое такое – «Оружие возмездия»? И не пахло им. Но наши, похоже, что-то такое уже ощущали, к чему-то нехорошему готовились.... Так вот, по легенде я был очень опытным и известным геологом (имя прежнее – Фриц Шумахер) с шикарным американским дипломом, доктором геолого-минералогических наук – с защитой диссертации в Австралии. Через месяц меня тут же назначили местным «главным землемером», а чуть позже – Главой Комитета «по разработке подземных научных коммуникаций». Поэтому в сорок первом году, когда полигон в Куммерсдорфе (это в тридцати километрах от Берлина) стал «тесен», и на самом Верху было принято решение о создании полномасштабной площадки на севере Германии, все эти вещи проходили сугубо через меня. В той или в иной степени и форме, понятное дело...

Хотя все были и так сыты, но – кофе. Приличная бюргер-

ская немецкая семья просто обязана напоить хорошим кофе даже абсолютно случайного гостя...

– Переходим к делу, – ненавязчиво предложил Денис, ставя на блюдце пустую чашку саксонского фарфора. – Мне очень хочется, что бы вы внимательно посмотрели одну киноплёнку, плюсом – некоторые чёрно-белые фотографии. Можно будет преобразовать негативы в слайды?

– Без вопросов, командир, – Эдит забрала у Дениса маленький бумажный свёрток. – Подождёте минут сорок-сорок пять? Кофе пейте, настоящий английский чай. Алкоголя не советую, вы и так уже знатно поднабрались.

Эдит чуть заметно – практически невинно и целомудренно – покачивая полными бёдрами, переместилась вместе с подносом, заполненным грязной посудой, в кухонную половину холла, поставив поднос на никелированную мойку, по узенькой лестнице спустилась в подвальное помещение.

– Слушай, Дэн, – негромко спросил Третьяков. – Тут про генерала Бессонова хочу узнать... Говорят, что он – подлый предатель. Мол, переметнулся к немцам... Верная информация?

Денис взял минутную паузу, закурил:

– Не знаю я, Гарик, точно, как оно было на самом деле. Говорят, мол, взяли немцы Ивана Георгиевича в плен, дальше – полная непонятка. То ли была такая операция запланирована, то ли... Короче говоря, Бессонов немцам сразу же заявил, что, мол, давно уже хочет с ними сотрудничать.

Предложил очень нестандартный и оригинальный план: высаживается немецкий парашютный десант в Коми ССР, уничтожает охрану нескольких лагерей, освобождает зэков. Начинается народное восстание против Сталина, и всё такое...

– Ну, и? – всерьёз заинтересовался Третьяков.

– Реально был сброшен на парашютах отряд диверсантов. Два лагеря освободили, но абсолютно ничего не произошло... Большинство освобождённых даже не дёрнулись, остались в своих бараках, остальные разбежались по окрестным деревушкам – грабить и насиловать. Всех их потом отловили, через неделю другую... Что там Бессонов думал себе – мне неизвестно. Расстреляли его потом, понятное дело...

Вернулась улыбчивая Эдит, неся под мышкой маленький кинопроектор, развесила на стене белую простынь, поставила на журнальный столик коробочку со слайдами, вставленными в аккуратные белые рамочки.

– Посмотрим, командир?

Что же не посмотреть? Серебристый диск на земле, он же – в воздухе.

Трёхглавый «гриб», вставший над дальним северным островком полярного архипелага Шпицберген...

– Я вам сейчас расскажу немного об увиденном, – предложил Денис. – Большую часть этого рассказа вы, наверное, не поймёте. Но, вдруг, что-нибудь и останется – на уровне

подсознания? Тут главное – понять всю серьёзность сложившейся ситуации...

Он, стараясь быть максимально доходчивым и понятным, рассказал всё, что знал о принципах работы атомной бомбы: о процессах обогащения урана и плутония, о воздействии радиации на хрупкий человеческий организм...

После окончания этой лекции, сопровождаемой повторным просмотром вспомогательных материалов (слайдов и киноплёнки), сделали десятиминутный перерыв, перекурили, ещё попили свежего кофейку.

– Ну, так как? – нетерпеливо спросил Денис.

Третьяков снова переглянулся с Эдит, пожал плечами, повертел головой из стороны в сторону и тяжело вздохнул:

– Главное я понял: с помощью этого ядерного оружия Гитлер – без особых трудов – может поработить весь наш мир.... Верно? То есть, необходимо сделать всё возможное, чтобы предотвратить, так сказать, этот нехороший процесс.... Есть у тебя, командир, конкретный план? Что мы с Эдит должны делать?

– Первым делом, надо найти лабораторию (или, даже, фабрику?), где происходит обогащение радиоактивной руды. Наверняка, там же оборудовано и хранилище для уже обогащённого материала.... Вторым делом, необходимо тщательно и жёстко, не считаясь с потерями, уничтожить данный объект. Вот такой не хитрый план, – невесело усмехнулся Денис.

– Совсем обычный план, – согласилась Эдит. – Только вот, где искать эту таинственную лабораторию?

– Где искать? Обязательно – глубоко под землёй, – он потянулся за очередной сигаретой. – Это должно быть достаточно просторное помещение, в несколько тысяч квадратных метров, тщательно охраняемое.... Существует очень большая вероятность того, что искомый объект располагается на острове Узедом, или на одном из близлежащих к нему малых островов. Что ещё? В этом помещении должны находиться несколько десятков центрифуг.... Ну, таких блестящих штуквин, вращающихся с очень большой скоростью вокруг собственной оси.... Не встречалось тебе, Гарик, под землёй что-нибудь похожее?

Третьяков отрицательно мотнул головой:

– Ты, дон Оскар, просто не представляешь, о чём говоришь. На острове Узедоме настроено столько подземных помещений, в несколько полноценных ярусов.... Общей площадью – в несколько миллионов метров квадратных. Понимаешь, *миллионов*? И на каждом объекте действует собственный строгий регламент посещения, своя особая система допусков.... Я посетил, дай Бог, процентов пять-шесть всех подземных камер, не больше.

Денис призадумался: всё оказалось гораздо сложнее, чем он предполагал.

– Есть один проходной вариант, – неожиданно заявил Гарик. – У тебя письмо от генерала Франко к Мартину Борма-

ну с собой?

Денис вытащил из внутреннего кармана пиджака незапечатанный голубой конверт, протянул Третьякову.

Гарик достал из конверта лист плотной бумаги, украшенной многочисленными водяными знаками, внимательно прочёл текст, довольно улыбнулся:

– То, что доктор прописал! И составлен документ просто отлично, такой стиль герру Мартину, безусловно, понравится. . . . Тут такое дело: всё, что касается проекта «Оружие возмездия» негласно курирует лично партайгеноссе Борман. Существуют, конечно, и официальные руководители направлений: «такой-то» отвечает за все работы по ФАУ-1, «такой-то» – за ФАУ-2. . . . Но, на самом деле, всем Проектом *в целом* руководит непосредственно рейхсканцлер: в последнее время Гитлер безгранично доверяет только Борману, только с ним он советуется по наиболее важным вопросам. А я лично знаком с рейхсканцлером: в 1942 году он приезжал в Пенемюнде с плановой инспекцией, я три дня водил его по подземным залам, рассказывал о технологиях проходки различных горных выработок, о крепеже кровли, о системах принудительной и естественной вентиляции. Похоже, что рейхсканцлер остался очень доволен экскурсией и меня запомнил. . . . Так вот, три недели тому назад я направил в Берлин докладную служебную записку на имя Бормана. У Эдит в столице налажены неплохие связи, так что бумага попала адресату лично в руки. В докладной я указывал на необ-

ходимость усиления охраны секретных объектов.... Суть записки заключается в следующем: обычная охрана – системы доступа, внутренняя служба часовых, всё это находиться на должном уровне, но есть ещё системы принудительной и естественной вентиляции. Именно эти системы, по моему мнению, являются самым слабыми звеньями всего подземного комплекса: теоретически возможны диверсионные акты со стороны противника с использованием ядовитых газов, да и доставка обычной взрывчатки через наружные вентиляционные колодцы – дело абсолютно реальное. Позавчера пришёл официальный ответ: через неделю партайгеноссе Борман посетит район Пенемюнде с очередной инспекцией и обязательно примет меня в рабочем порядке.... Понимаешь, командир?

– Не совсем, – признался Денис.

– Ну, как же! Есть реальный шанс – и тебе и мне – получить доступ на посещение всех секретных объектов Пенемюнде. Абсолютно – всех! У Бормана в Вольгасте имеется постоянный полномочный представитель, отвечающий за «связи с общественностью», принимающий всю входящую корреспонденцию, направляемую рейхсканцлеру: отчёты специальных агентов, пошлые доносы, просто – письма от соратников по партии.... Завтра же я вручу этому представителю письмо от сеньора генерала Франко, где он просит у Бормана аудиенции для тебя. И ещё одно подробное письмо добавлю от себя, в котором также замолвлю в твой

адрес, командир, несколько добрых словечек, рекомендую – как очень опытного геолога, выражу желание поработать вместе с тобой над решением проблем, уже известных рейхсканцлеру... У тебя, кстати, есть мысли по поводу «важной эксклюзивной информации, способной в будущем вывести экономические отношения между Испанией и Великой Германией на иной качественный уровень»?

– Вот этого – сколько угодно! – широко улыбнулся Денис. – Я же, считай, полгода – практически по-пластунски – ползал по Медвежьему острову, всерьёз проводил геологическую разведку. Есть все предпосылки, свидетельствующие о наличии на острове богатейших месторождений вольфрама и графита, встречаются ярко-выраженные признаки залежей урановой руды. Подчёркиваю, урановой... У меня выполнены и первичные планы всех этих объектов, и предварительный ёмкостной расчёт сделан, правда, на скорую руку...

Гарик просиял:

– Просто отлично, командир! Всё один к одному! Предлагаю выпить ещё по рюмашке шнапса – за нашу Удачу, и ложиться спать ...

На следующее утро Третьяков на своём сером «мерседесе», специально переоборудованном для управления людьми только с одной рукой, подвёз Дениса до самых ворот санатория, тепло попрощался:

– Ну, дон Оскар, я поехал! Вручу письма представителю рейхсканцлера, после этого – прямым ходом – отбуду на ост-

ров Узедом. . . Извини, дела! Эдит тоже сегодня вечером уезжает в Берлин. Так что, теперь встретимся только дней через пять, уже перед самым приездом Бормана. . . До скорого, удачи тебе!

Что же, можно было и подождать немного. Снова началась рутина: медосмотры, таблетки, лечебные процедуры, снова – процедуры, таблетки и медосмотры. . .

Поздним вечером второго дня после расставания с Третьяковым, когда Денис вернулся из планового похода в финскую сауну, в дверь номера уверенно постучали, и металлический голос непреклонно объявил:

– Немедленно откройте, гестапо!

Деваться некуда, открыл.

Уверенной походкой вошёл пожилой упитанный господин в чёрной форме, с погонями штурмбанфюрера СС на плечах. За господином в комнату ловко просочились два обер-лейтенанта с пистолетами в руках.

– Франц Шульц, криминалдиректор Службы охраны и предотвращения покушений, четвёртое Управление РСХА, – представился вошедший штурмбанфюрер. – Вы арестованы, сеньор Рамос, прошу пройти с нами!

То, что за ним лично явился криминалдиректор Службы охраны четвёртого Управления, говорило о многом: похоже, любой желающий получить аудиенцию у рейхсканцлера тут же попадал под самое пристальное внимание со стороны со-

ответствующих охранных структур.

«Что же, ничего странного, обычное дело», – спокойно подумал про себя Денис, а вслух задал глупый вопрос:

– Извините, но на каком основании?

Франц Шульц ответил очень вежливо, сохраняя на лице маску полного равнодушия и серой скуки:

– Чтобы вы знали, любезный сеньор. Гестапо, то бишь, Тайная полиция, обладает правом превентивного ареста. То есть, заключения кого бы то ни было в тюрьму, или в концентрационный лагерь, без всяких судебных решений. Наша организация выведена из-под надзора административных судов, в которых обжалуются действия государственных органов...

А один из двух обер-лейтенантов, тот, что пониже и плотней, не стал тратить времени на долгие разговоры, подошёл к Денису вплотную и по-простому звезданул рукояткой пистолета по голове...

Очнулся Денис уже в тесной камере: кто-то достаточно активно и невежливо хлопал его по щекам, по затылку и шею текла холодная вода.

– Приветствую, сеньор – испанский гадёныш! – радостно заявил низенький обер-лейтенант. – Моя фамилия Лемм, если тебе это о чём-то говорит. Ни о чём не говорит? Да ты, идалго, счастливчик! Я главный специалист Службы А-4 по проведению жёстких допросов с пристрастием. Сейчас я те-

бе ногти рук-ног буду вырывать с корнем, всякие нежные органы прижигать раскалёнными медными гвоздями...

Обер-лейтенант ещё что-то говорил, гадко и глумливо улыбаясь, но Денис его не слушал, пытаясь осознать происходящее. Руки его были скованы наручниками за спиной и специальным ремешком прикреплены к спинке массивного деревянного стула. Сам стул был, судя по всему, крепко привинчен к деревянным доскам полу. А вот голова, разбитая рукояткой пистолета, была туго и профессионально перевязана, что внушало некоторый оптимизм: никто в ближайшее время не собирался превращать его тело в кровавое месиво. Следовательно, ещё побарахтаемся...

С противным скрипом приоткрылась низенькая дверь, и в камеру вошёл Франц Шульц. Упитанный штурмбанфюрер недвусмысленно указал грозному обер-лейтенанту на дверь:

– Выйдите, Лемм, и подождите снаружи! Если понадобятся ваши профессиональные услуги, то я об этом незамедлительно и недвусмысленно извещу...

Обер-лейтенант, отвесив короткий церемонный поклон, исчез за закрывшейся дверью. Штурмбанфюрер взял за спинку хлипкий стул, стоящий у двери, поставил его напротив, метрах в трёх, медленно уселся, непринуждённо закинул ногу на ногу и уставился на Дениса холодными и водянистыми – как у болотной жабы – глазами.

– Молчите? – через минуту спросил Шульц. – Не протестуете? Не возмущаетесь? Почему это вдруг?

– У вас же – Служба, – неопределённо пожал плечами Денис. – Свои подробные инструкции, свои конкретные цели и задачи. Чего же тут обижаться?

– Правильно всё излагаете, – похвалил криминалдиректор. – Но и меня поймите правильно.... Подразделение, которое я имею честь возглавлять, полностью называется: «Служба охраны, предотвращения покушений, наружного наблюдения, спецзаданий, управления отрядами розыска и преследования преступников». Понимаете, что в данном конкретном случае – для нас с вами – важна только одна фраза, а именно – «предотвращения покушений»? Как же может быть иначе? Некто непонятный, чья биография полностью неизвестна, просит аудиенции у самого канцлера НСДАП.... Должен я вас тщательно проверить? Вот видите, должен! Но с проверкой-то и не вытанцовывается.... Да, вместе с герром Шумахером вы в 1940 году засветились на Филиппинах, даже уничтожили половину одной из секретных служб Великобритании. Да, целенаправленно представляли интересы доблестного генерала Франко – нашего верного союзника – на архипелаге Шпицберген.... Но ведь был ещё один неприятный эпизод в Сербии, в городе Белграде? Если не ошибаюсь, вас тогда подозревали в причастности к убийству известного коммерсанта Семёна Петроффа? Ладно, это дело прошлое. Поговорим о главном.... При обыске в вашем номере были найдены некие геологические карты и планы. Что это такое?

– Как раз по этому поводу я и хотел встретиться с партай-

геноссе Борманом, – взбодрился Денис. – Дело в том, что за время своего пребывания на архипелаге, я сделал несколько важнейших открытий: обнаружил богатые месторождения вольфрама, железа, графита, асбеста, урановой руды. Я думал, что...

– Не продолжайте, любезный, – устало махнул рукой Шульц. – Здесь, как раз, всё и ясно: «информация, способная в будущем вывести экономические отношения между Испанией и Великой Германией на иной качественный уровень...». Как же, читал... Только вот, как же мне это проверить? На основании чего я должен вам доверять?

– Но, позвольте! – взволнованно зачастил Денис, будто вспомнив нечто важное. – Мне на Шпицбергене оберштурмбанфюрер Лукаш Пушениг рассказывал, что в гестапо недавно появился аппарат, способный распознавать ложь. Кажется, он так и называется – «детектор лжи»?

О «детекторе» ему рассказывал вовсе не покойный Лукаш, а генерал Ануфриев, ещё в Москве. Но, как говорить: – «Сегодня все ненужные мелочи мы целенаправленно пропускаем...».

Криминалдиректор согласно кивнул головой:

– Именно такой выбор я, собственно, и хотел вам предложить: либо откровенный разговор с милягой Леммом, либо «беседа» с нашим умным аппаратом. Правда, это только опытный экземпляр, возможны локальные сбои в его работе...

Комната напоминала настоящую научную лабораторию: высоченные стеллажи, полки которых были заставлены какими-то приборами неизвестного предназначения, письменные столы, заваленные научными журналами и бумажными листами, густо исписанными математическими формулами, большая чёрная доска, покрытая графиками и диаграммами, нанесёнными при помощи цветных мелков...

Его усадили в широкое кожаное кресло, руки специальными браслетами приковали к толстым подлокотникам, на голый торс прилепили – с помощью обычного медицинского пластыря – множество датчиков, от которых тоненькие разноцветные проводки протянулись к большому квадратному ящику. В прорезях ящика лукаво подмигивали яркие жёлтые лампочки, широкая перфолента медленно переползала с одного барабана на другой.... Денис совсем не волновался, скорее, ему даже был по-настоящему интересен предстоящий поединок с умной и хитрой вражеской техникой.

Напротив него расположилась «высокая комиссия» в составе: криминалдиректор Шульц, высокий вежливый оберлейтенант и пожилой господин с ярко-выраженной профессорской внешностью.

– Вы готовы, сеньор Рамос? – равнодушно спросил Шульц. – Хорошо, тогда начинаем!

«Профессор» нажал на плоскую красную кнопку, по перфоленте шустро забегал тонкий стерженёк, наносящий на

бумагу график течения процесса...

Откашлявшись, штурмбанфюрер задал первый вопрос:

– Вы иностранный разведчик?

– Нет, – очень спокойно ответил Денис.

Он, действительно, не считал себя разведчиком. «Рыцарем плаща и кинжала»? Пожалуй... «Диверсантом», «упрямым охотником»? Конечно же, да! А вот – «разведчиком»? Однозначное «нет»!

– Вы состоите, или, состояли, в какой-нибудь политической партии?

– Нет! – и это тоже было чистой правдой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.